

18+

Ирина Грицук-Галицкая
*Александр Невский. Триста лет
рабства*

Ирина Грицук-Галицкая

**Александр Невский.
Триста лет рабства**

«Издательские решения»

Грицук-Галицкая И.

Александр Невский. Триста лет рабства / И. Грицук-Галицкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742477-0

Книга написана для круга читателей, интересующихся новыми изысканиями в области истории. Александр Невский предстает перед читателями не как герой выигранных битв, а как холоп царя Ордынского, хитроумный политик, принявший и внедривший на Руси ханскую вертикаль власти, которая позволяла гнуть выю народную под Орду.

ISBN 978-5-44-742477-0

© Грицук-Галицкая И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1.	7
1. Дед Александра Невского – великий князь Всеволод Юрьевич Третий «Большое Гнездо»	8
2. Отец Александра Невского – Ярослав Всеволодович	10
3. Мать Александра Ярославича Феодосия Мстиславна	13
4. Нашествие Батыя	14
5. Александр Ярославич и Параскева Брячиславна	16
6. «Наследник меркитского плена»	18
7. Невская битва	20
8. Первенец	23
9. Предательство	25
10. Последствия невоской битвы	27
11. Битва на чудском озере	28
12. Поход на Венгрию	30
13. Поручение Батыя	32
14. Планы отца и сына	34
15. Князь Михаил Всеволодович – брат Ярослава	35
16. В Каракорум	36
17. Убийство в Орде	38
18. Приказ Батыя	40
19. Царица Огуль – Гаймыш	43
20. Летописец – монахиня Мария	45
21. Принцесса Христина	47
22. Погибель Батыя	49
23. Обида	50
24. Неврюева рать	51
25. Княжичи Дмитрий и Андрей Александровичи	52
26. «Замятня» в Сарае	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Невский. Триста лет рабства

Ирина Грицук-Галицкая

© Ирина Грицук-Галицкая, 2016

© А. В. Пупышев, иллюстрации, 2016

© Д. В. Шеломкова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Писать о прославленном герое земли русской – дело рискованное. Множество романов, поэм, стихов, монограмм, летописных и житийных сказаний посвящено самому известному историческому деятелю Руси – Александру Невскому. Благодаря кино и русской литературе образ Александра Ярославича, князя Новгородского, получился настолько обаятельным, что рука не поднимается написать о противоречивых, а порой и просто надуманных деталях в его жизнеописаниях.

Если однажды окунуться в тот период времени, когда жил и творил Александр Невский, то не получится выплыть из него с чувством гордости за тех, кто по долгу власти и по предназначению природы обязан был встать на защиту земли своей и «друзья своя».

Исторические деятели, как правило, оцениваются не по личному обаянию, не по тому, как они обустроили судьбы своих близких, а по результатам их деятельности и влиянию их эпохи на дальнейшую судьбу народа и страны. Важен результат...

К сожалению, результат деятельности Александра Невского как властительного хозяина земли русской плачевен. Трехсотлетнее рабство русского народа под игом завоевателей получило наше отечество в результате его политики. Поняв это, уже можно не принимать во внимание обаяние его личности. Итак, кем был Александр Невский, кто породил его, как он построил свою жизнь и как откликался на события своего времени?

Часть 1. Выбор зла

Страной «мрака и вечного ужаса» называли чужеземцы полуночные земли, омываемые водами студеного океана. Необычный, таинственный народ, населял те места – чужь белоглазая. Отличался он особой красотой и статью. Зеница глаз¹ тех людей была иссиня-синей, а вокруг зрачка – сияющая белизна глазного яблока. Смотреть в такие глаза – не насмотришься: заморчат, заколдуют, зачаруют. . . . Люди эти ведали законы Земли, Влаги и Аэра². Они могли проныцать сквозь глубины, потому что Мать-Земля, Макошь Чудная³, открывала им недра так, как открывает ладони мать дитяти своему. Они взмывали высоко в небо, и Бог Отец, старец Укко, удерживал их на аэре, не давая свергнуться с высоты. Они рассекали воды земного океана, как луч света проходит сквозь тьму.

Но однажды страшный толчок потряс землю, и стала она опускаться на дно океана. Холодные воды накрыли сушу, и ледяным куполом затянуло аэр. От цветущей страны осталась только узкая полоса, протянувшаяся по северным землям Евразии, которую стали называть страной Биармией. Люди той страны потянулись на полдень в поисках тепла и пропитания. Другие, что не захотели покидать родных пределов, мельчали в вечной борьбе с мраком, холодом и скудостью пищи. Старики умирали, а знания древних утрачивались с каждым новым поколением.

Но были среди тех, кто заселял Биармию, особые люди – волхвы и волховки. Они ведали начала всех начал, они умели общаться с Матерью Чудихой и Старцем Укко и свято хранили остатки древних знаний.

Среди тех, кто ведал тайны древних, была старая чудинка по имени Ильмара. . .

¹ Зеница, зенок, черная круглая прорешка в радужной перепонке глаза, в которую проходит свет. В. И. Даль.

² Древние люди, по определению Русской Православной Церкви, были язычниками. Они поклонялись Богу Земли, Богу Воды – Влаги, Богу Воздуха – Аэра. Аэрь – древнегреческое и латинское название воздуха, которое часто употребляется в русских летописях. Там оно обозначает просто «воздух». Русский ученый Александр Васильевич Барченко (1881—1938) утверждал, что есть на Кольском полуострове таинственный камень, способный накапливать психическую энергию и передавать информацию в космос. Там же его экспедицией были найдены наскальные петроглифы, изображающие людей, летающих на индивидуальных воздушных аппаратах. Эти воздухоплаватели умели ладить с Богом Воздуха. Легенды и мифы о племени чужь имеют под собой некоторую реальную подоплеку.

³ Мать-Чудиха, или Макошь Светлая, – языческая Богиня, означающая женское начало, хранительница рода.

1. Дед Александра Невского – великий князь Всеволод Юрьевич Третий «Большое Гнездо»

Первой женой князя Всеволода Юрьевича была чешская принцесса, в православном крещении Марфа. Родила она ему сына Константина. Недолго радовалась дитяти рожденному и вскоре умерла.

Так и хочется сказать словами Пушкина:

Долго князь был неутешен,
Да видать, и он был грешен.
Год прошел, как сон пустой.
Князь женился на другой.

В стольном граде Владимире играли свадьбу. Молодая невеста была хороша: с соболиными бровями, с глазами черными, как прогоревшие уголья. Длинный нос с горбинкой выдавал ее принадлежность к кавказскому племени алан. Платье из красного шелка переливалось, шурша широкими складками. На груди позванивало монисто из мелких золотых кружочков, в ушах качались серьги до плеч, на тонких сухих пальцах разноцветными камнями переливались перстни в золотом и серебряном обрамлении. Такова дочь царя кавказского племени алан, а теперь будет Мария Ясыня Великой княгиней Суздальской земли.

Гости, что собрались за широкими столами, сравнивали невесту с бывшей женой и качали головами. Может, и хороша она своей южной красотой. А какой ещё матерью она окажется для неродного ребенка, для Константина, что с няньками примостился на краешке свадебного стола?

Боярские жены переглядывались и охали:

– Отца нет, дитя – полсироты, матери нет, дитя – круглый сирота.

Можно было бы, конечно, и пожалеть малолетнего Константина. Потому что мачеха его имела темперамент южный, горячий, до постельных утех была большой охотницей. Из её широкого лона вышло восемь сыновей, а дочерей и умерших во младенчестве чадушек, никто не считал. Княжеский суздальский дом даже станут называть «Большим гнездом». Из числа сыновей Марии Ясыни выйдут князь Юрий Всеволодович, тот, что погибнет на Ситской сечи с татарами, и Ярослав Всеволодович – отец Александра Невского, и князь Михаил Всеволодович, который будет казнен Батыем и возвеличится до чина святого.

Радение молодой жены о своих детях заслонило заботу о пасынке. Маленький Константин был сослан в Ростов вместе с верными ему боярами и дружинниками. От имени Великого князя Всеволода Большое гнездо старшему сыну Константину было поручено управлять обширным Ростово-Ярославским княжеством, в которое входили ещё Углич, Ярославль и Белозерск.

Константин пристрастился к наукам и отличался недюжинным умом. Дивясь его разумности, приближенные стали называть его Мудрым. Он же начал собирать библиотеку из редких и очень дорогих по тому времени книг, изучать иностранные языки и обязал детей боярских проходить обучение грамоте и счету. Только в храмах Ростовского княжества пели хоры одновременно по-славянски и по-гречески, а в Ярославле при Константине возникнет иконописная школа.

Но мудрость и интеллект не могут соперничать с воинственностью, агрессивностью, притязаниями на Великий престол родных детей Великой княгини.

Хитрая Мария Ясыня всеми силами убеждала больного мужа, что Константин непослушен, неучтив, не покорен отцу. И когда дети Всеволода съехались к одру умирающего отца, тот

изъявил свою волю: великое княжение переходит не к старшему и первому сыну Константину, но ко второму, Юрию, сыну Марии Ясьни.

Константин затаил обиду. Эти разногласия Всеволодовичей аукнутся впоследствии кровавыми разборками и всеобщей русской слабостью перед лицом смертельной опасности.

2. Отец Александра Невского – Ярослав Всеволодович

Итак, старшим сыном Марии Ясыни был Юрий Всеволодович, он был провозглашен Великим князем Владимирским, который осуществлял протекторат над всеми городами Руси.

Второго сына Марии Ясыни, Ярослава Всеволодовича, будущего отца Александра Невского, Карамзин рисует как «человека жестокого и непримиримого» и не заслужившего «ревностной похвалы наших летописцев», что не помешало московской церкви канонизировать его и объявить святым.

Женат Ярослав был трижды. Первая жена его, дочь половецкого хана Кончака, была бездетной, поэтому Ярослав, прожив с Кончаковной несколько лет, отправил её к отцу. Вторую жену Ярослав взял у Мстислава Мстиславича Удалого, князя Новгородского. Феодосия Мстиславна, будущая мать Александра Невского, была, несчастлива в браке.

То, что Мстислав Удалой покинул Новгород, посадив там своего зятя Ярослава, не принесло мира торговому городу. Ярослав начал свою деятельность с репрессий. Он оковал цепями и сослал в Тверь некоторых чиновников Новгородских. Велел разграбить двор тысяцкого и взял под стражу сына и жену его. Возбужденный своевольными действиями князя Ярослава, народ уже искал жертв и начал громить дома богатых граждан. Когда на улицах появились первые растерзанные трупы, Ярослав испугался народной вольницы и бежал в Торжок, бросив в мятежном городе молодую жену.

Торжок снабжал Новгород хлебом. Ярослав перекрыл пути на Новгород, обрекая его горожан на голод. Рожь, пшеница и даже репа подорожали так резко, что бедным людям оставалось есть только кору деревьев. Летописец пишет, что «трупы лежали на улицах Новгорода, оставленные на съедение псам, и люди толпами бежали в соседственные земли, чтобы избежать от ужасной смерти».

Несколько посольств, отправленных к Ярославу с просьбой открыть дорогу на Новгород не имели успеха. Ярослав дороги не открыл, послов заточил в темницы, а купцов, подъезжавших к Торжку, пленил.

Новгородцы выпустили из голодного города Феодосию, и направили к мужу. Феодосия волновалась перед встречей с ним. Всю дорогу она представляла себе, как бросится на грудь Ярославу, как будет умолять сменить гнев на милость и открыть дороги на Новгород.

Сани Феодосии проследовали через тяжелые ворота старого Торжка. У крыльца княжьего дома стояла стража: два молодых воина, одетые в тулупы. Они держали в руках высокие копыя с деревянными древками. Равнодушно скользнув взглядом по закутанной в меха фигуре, один из них хрипло проговорил:

– Проходи...

Другой спросил первого:

– Знаешь ли, кто это?

– Чай, новая краля, – ответил второй и сокрушенно махнул рукой.

Феодосия открыла дверь и ступила через порог душно натопленной горницы. Клубы белого пара ворвались вместе с ней и растаяли. Свежий воздух воли ещё щекотал ноздри, но пахло горячими щами, застойным хмелем, человеческим потом и немытыми женскими телами. Свистули и рожки враз замолкли, и сделалось тихо.

Феодосия, стоя на пороге горницы, искала глазами мужа среди разгоряченных хмелем людей. Он сидел во главе стола, обнимая прилипших к нему с двух сторон девок.

Феодосия скинула с себя меховую накидку и открыла лицо.

– Феодосия! Почто явилась! Я разве звал тебя!?! – закуражился Ярослав, не давая жене ни единого шанса на правоту.

– Ты не рад, муж мой!?! – ахнула Феодосия.

Увидев Ярослава в кругу друзей и наложниц, Феодосия поняла, что ей нет места рядом с мужем.

В последующие дни она безуспешно пыталась выехать из города. Посылала тайных гонцов к отцу, Мстиславу Мстиславичу Удалому, в Торопец. Но дозорные Ярослава вылавливали лазутчиков и после мучительного допроса предавали смерти.

Весть о бедствиях, постигших Новгород, дошла наконец до Мстислава. Феодосия передавала, что терпит обиды и притеснения от Ярослава и его наложниц, и слезно просила отца забрать её под родительский кров.

Мстислав, гневаясь на зятя, наскоро собрал дружину в поход и поспешил к Торжку выволять дочь.

Чтобы снять блокаду с Новгорода и увести Ярославову дружину от Торжка, Мстислав определил место боя под Юрьевым-Польским, на реке Липице.

Ярослав, получив вызов тестя, струсил. Он срочно направил своих послов к брату, Великому князю Юрию, во Владимир. Юрий Всеволодович согласился поддержать меньшого брата.

Это не было обычной разборкой князей. Это был кризис несправедливой власти, как сказали бы сейчас. В битве участвовал князь Мстислав Ростиславич Удалой с новгородцами. С ним в союзе был его брат Владимир Ростиславич с псковитянами и племянник Владимир Рюрикович с дружиной. К ним присоединился Константин Всеволодович Ростовский Мудрый, который был рад поводу выступить в открытом бою против сводных братьев Юрия и Ярослава. С Константином, кроме его дружины, выступили семьдесят семь богатырей во главе с Алешей Поповичем и Добрыней Златым поясом. Все они поднялись против своеволия и несправедливости Ярослава, зятя Мстислава Удалого.

На стороне же Ярослава участвовал Великий князь Юрий Всеволодович с суздальцами. Летописец пишет; «И были полки у них очень сильны: муромцы, бродники, городчане, и вся сила Суздальской земли; из сел погнали даже пеших».

По существу это была гражданская война на восточной Руси, спровоцированная Ярославом.

В «Повести о битве на Липице» летописец с горечью пишет: «О, страшное чудо и дивное, братия! Пошли сыновья на отцов, а отцы на детей, брат на брата, рабы на господ, господа на рабов!»

Дружины Мстислава Удалого и Константина Мудрого сразились с братьями Всеволодовичами и разбили их наголову. Великий князь Юрий в страхе бежал с места сражения, загнал трех лошадей и достиг Владимира. Там упал на колени перед гробом отца своего Всеволода и закатился в истерике: «Осуди, Господь, брата моего Ярослава! Он довел меня до этого!»

Пришел конец Великому княжению Юрия, и причиной того конца был его брат Ярослав. С того дня власть над Русской землей перешла к законному претенденту – Константину Мудрому⁴.

Далее летописец пишет: «А Ярослав, всё ещё пребывая в злобе, и дыша гневом, и не покаясь, затворился в Переславле и надеялся там остаться. При этом так был обозлен, что велел удавить в темнице новгородских купцов, ничем не повинных ни перед Ярославом, ни перед Новгородом. Услышав, что Константин подошел к Переславлю, преступник струсил, выехал ему навстречу и ударил челом сводному брату: «Господин, – смиренно сказал он, – я в твоей воле, не выдавай меня Мстиславу, а сам, брат, накорми меня хлебом». Это означало «определи место «на кормление»».

⁴ Закона о престолонаследии не было тогда, но было наследственное право. Установленное издревле дедами и отцами, оно давало право на Великое княжение в Русской земле по старшинству в роду, но не в семье. Иногда этот порядок нарушался, тогда возникали кровные обиды, смуты и лилась кровь не только претендентов на власть, но и ни в чем не повинного мирного населения.

Константин, имея сердце незлобивое, простил Ярослава и определил ему на кормление Переславль.

А Мстислав Удалой, не входя в Торжок, принял от народа дары, забрал свою дочь Феодосию, отвез её в свою отчину Торопец, а сам отправился в Новгород.

Так закончилась братоубийственная битва при Липице. Об этой жестокой битве стоит рассказать уже потому, что о ней мало пишут, почти не говорят и совсем её не учат в школе. А зря. Битва эта замечательна своими уроками. В овраге у реки Липицы 21 апреля 1216 года русские полки сразились с русскими. Брат шел на брата, а сын на отца. В этой сечи по преступному недомыслию отца Александра Невского, князя Ярослава, погибло более девяти тысяч русичей.

В «Повести о битве на Липице» летописец пишет: «Говорили многие люди про Ярослава так: «Из-за тебя сотворилось нам много зла. О твоём клятвopреступлении сказано было: «Придите птицы небесные, напейтесь крови человеческой; наешьтесь мяса человеческого». Ибо не десять человек было убито, не сто, а тысячи и тысячи, а всех избитых девять тысяч двести тридцать три человека. Можно было слышать крики живых, раненых не до смерти, и вой проколотых... Погребать мертвых было некому, а многие, бежавшие к реке, утонули, а другие раненые умерли в пути...» Битва при Липице произошла за семь лет до нашествия страшного иноземного врага – монголо-татар, и была она русским позором и одной из причин поражения от монгольской орды, потому что к моменту нашествия Батыеа армия русичей всё ещё не могла восстановиться в своей численности.

Этот факт истории Руси характеризует отца Александра Невского как надменного, мстительного, умственно несостоятельного правителя и морально нечистоплотного человека. Беда-то в том, что порой людьми руководят не лучшие из лучших, а часто худшие из худших.

3. Мать Александра Ярославича Феодосия Мстиславна

Летописец пишет: «Ярослав много раз обращался с мольбой к Мстиславу, прося вернуть ему его княгиню, говоря: «Чего не бывает между князьями? А меня по справедливости и так крест наказал!». Но Мстислав не пустил к нему своей дочери.

Прошло два года после Липицкой сечи. Умер Константин Мудрый, соратник Мстислава Мстиславича Удалого. На Великий стол вновь уселся Юрий Всеволодович, родной брат и союзник Ярослава. Тогда требования Ярослава к Мстиславу стали более настойчивыми. Дружины Юрия и Ярослава, объединившись, двинулись к Торопцу, где скрывалась Феодосия. Зная буйный нрав братьев Всеволодовичей и болея за судьбу отчины, Мстислав вернул дочь свою Ярославу. Феодосия покорилась несчастной участи.

После примирения с мужем Феодосия родила от Ярослава девять сыновей, в том числе «великого князя и в чудесах словущего Александра Невского и иных восемь», как написано на её надгробном камне.

Александр родился в 1220 году. Как внук Мстислава Удалого, он принял стол Великого Новгорода, таким образом, будучи ещё юным, был провозглашен князем крупного торгового центра Северо-Западной Руси, который был и в Европе не последним городом.

Судя по летописным известиям, Феодосия чаще всего жила в семье старшего сына, Александра. Имя матери упоминалось каждый раз в числе свиты Александра, когда он покидал город.

Будучи ещё молодой женщиной, но уже потеряв интерес к земным радостям, Феодосия ушла в монастырь, приняв чин монахини под христианским именем Евфросинии.

Умерла Феодосия 4 мая 1244 года, за два года до гибели в Монголии своего мужа, князя Ярослава.

Ко времени смерти Феодосии надо отнести третью женитьбу Ярослава – на рязанской княжне.

4. Нашествие Батыя

В 1237—1238 гг. произошло великое нашествие кочевой орды монголо-татар на русскую землю, которое полностью изменило судьбу русского народа.

Князю Юрию выпала доля организовать оборону земли русской от страшного врага и заслонить собой жен, детей и духовенство от напасти.

Узнав о приближении врага, Юрий разослал гонцов ко всем князьям с призывом встать под его знамена и объединенными силами дать отпор Батыю. А сам, оставив незащищенными города Суздальской Руси, с братом Святославом и дружинами сыновей Константина Мудрого, отошел на север, на реку Сить, чтобы там соединиться с полками других своих братьев и выйти на врага с тыла.

Но брат Михаил, князь Черниговский, узнав о наступлении силы несметной, собрал обоз и с княгиней своей, с казной и домочадцами покинул пределы Черниговского княжества. Он нашел уважительную причину. Сын Михаила, Ростислав, был просватан за венгерскую принцессу Анну, дочку короля Белы Четвертого. Жениться поехали в Венгрию, бросив на произвол врага землю, людей и нажитые имения.

Особую надежду Великий князь Юрий возлагал на брата Ярослава и племянника Александра. Юрий не раз приходил на помощь Ярославу и теперь считал, что настало время младшему брату отдать долг. Летописец напишет с горечью: «И жда брата своего Ярослава и не было его...» Ярослав обманул ожидания брата Юрия и не пришел на Сить.

Ко времени нашествия Батыя Александру исполнилось восемнадцать лет. По тем временам это был возраст мужества⁵. Александр, желая доказать свою состоятельность, вел набеги на соседние финские племена чудь и водь и собирал с них дань в пользу Новгорода. Князь Юрий гордился воинственным племянником и не сомневался в его верности.

Мы не знаем, что ответил Александр гонцам дяди Юрия, но по тому, что он не принял участия в Ситской битве, можно догадываться, что у него были другие планы.

Батый был дальновзорким политиком. Он хорошо разбирался в психологии и применял проверенную временем тактику. Перед решительным наступлением он посылал вперед войска послов, предлагая мир на условиях полного покорения. Те города, что не были согласны с Батыем, стирались с лица земли. А те, кто соглашались на его условия, могли уцелеть.

Не потому ли Новгород, управляемый Александром Невским, уцелел и не был захвачен Батыем, что послы его, вернувшись к хану, принесли весть о покорности города и дорогой откуп?

Теперь становится ясно, почему Юрий не дождался помощи. Его предали братья и родные племянники. У Ярослава, отца Александра Невского, был свой расчет, своя корысть не помогать Юрию. Гибель старшего брата открывала Ярославу дорогу на Великое княжение.

А рядом с дружиной Великого князя Юрия плечом к плечу встали сыновья Константина Мудрого. Три брата Константиновичи: Василько, князь Ростовский, Всеволод, князь Ярославский, и Владимир, князь Угличский, со своими старшими детьми.

Ярославский исследователь и краевед С. Мусин-Пушкин пишет: «Стратегические приемы татар, сильных своей конницей, известны из сочинений знаменитого хана Тимур-Лена. Они имели обыкновение двигаться так называемой облавой или обширной дугой (подковой), наметив пункт соединения в кольцо, которое, смыкаясь, уничтожало всё захваченное. Летопись подтверждает, что в Ситской битве татары употребили тот же прием и что князь Юрий Всеволодович с войсками своими был окружен, захвачен врасплох, принужден сражаться

⁵ Возраст мужества – возмужалый – взрослый, полнолетний, достигший полного мужского возраста, суший во всех годах. В. И. Даль.

на два фронта, результатом чего и было полное поражение. Предание говорит, что на реке Сити и на впадающей в неё речке Гориновке «...число утонувших во время битвы было так велико, что речки были запружены трупами и остановились в своем течении». Эти места так и зовутся «Плотищи».

Местное предание рассказывает, что татары, «разбив князя Юрия на Сити, рассыпались по окрестностям, грабя, сжигая селения и забирая в плен жителей. И вот, когда они приблизились к местности, где было расположено некое торговое село, то нашли здесь полное безлюдье, увидели, что некому «уз⁶ накладывать», потому село и по сию пору прозывается «Некоуз». Из летописей мы знаем, что татары действительно брали в плен некоторых и склоняли их к перемене веры. Так был взят в плен Василько Константинович, князь Ростовский, который за отказ изменить родине был замучен врагами недалеко от Некоуза в Ширенском лесу.

Наследники интеллигента Константина погибли, заслонив собой Русь, а дети воинственных сыновей Всеволода Большое гнездо и его второй жены Марии Ясыни пошли на сговор с Батыем, трусливо отсиделись в своих уделах и тем сохранили себе жизнь и обеспечили корысть свою. Среди этой бесчестной половины родичей был и Александр Невский.

⁶ Узы – вязи, цепи, оковы, путы. В. И. Даль.

5. Александр Ярославич и Параскева Брючиславна

Полоцкий князь Брючислав прячет улыбку в пушистые усы. Дочка его, Параскева Брючиславна, сосватана за князя Новгородского, Александра. Сваты долго приглядывались к невесте, пытаясь выявить хоть какой-нибудь изъян. Но невеста высока, стройна, статна, как и положено быть жене Рогнедова племени.

Бывальщина о княгине Рогнеде передается из уст в уста в полоцком роду, и каждая из наследниц знает историю их прародительницы. А было так:

Князь Владимир Красно Солнышко был сыном ключницы Малуши. Чин Малуши при княгине Ольге, хоть и высокий, но был пожалован простой рабыне. Полюбилась та рабыня сыну госпожи своей, князю, и воину Святославу, и сотворили они ребеночка. Святослав вскоре удалился в пределы Болгарские, на Дунайские просторы, а Малуша назвала рожденного сына Владимиром – ни много ни мало, а «Владельцем мира». С малых лет внушала рабыня своему сыну, что он княжеских кровей и достоин стола Великого. Подрос сын рабыни и, помня слова матери, без жалости лишил жизни своих братьев от высокородных матерей, прибрал к рукам их земли, а с женами их совокупился, чтобы знали они, кто в Киеве господин. Однажды увидел он прекрасную Рогнеду, которая была невестой его сводного брата. Послал сватов к ней, а гордая женщина заявила послам Владимира, что она уже просватана и желает быть не женой сына рабыни, но женой законного князя. Воинственный, как и отец, Владимир не смог стерпеть такой обиды. Убить соперника было делом привычным. Он убил жениха Рогнеды, её отца Рогволда и её брата.

– Не хочу разуть сына рабичичи, – отказалась Рогнеда повиноваться убийце.

Тогда Владимир при скоплении народа силой взял гордую полочанку, предал её сраму, чтобы лишить гордости. Но он плохо знал женщин полоцкого рода. Рогнеда сделала вид, что смирилась, и от нелюбимого родила трех сыновей, но планы мести вынашивала всю свою жизнь. Однажды ночью она напала на Владимира с ножом. Владимир не стал убивать жену, но предал её суду бояр своих. Когда вооруженные воины вошли в шатер Рогнеды, чтобы предать её смерти, их встретил малолетний сын Рогнеды, Ярослав. Он вынул из ножен большой меч, подошел к отцу и, едва приподняв тяжелое оружие, сказал так, как научила его мать:

– Отец, ты не один здесь с мечом...

Дружинники князя попятились к выходу, дивясь мудрости чада. Опытные мужи сообразили, что со временем жизнь князя Владимира закатится, как солнышко, а молодой князь вырастет, в силу войдет и будет мстить им, старым и немощным, за смерть матери. Они не ошиблись. Ярослав вырастет, в борьбе с братьями завоюет право на Великий стол и за рано проявившийся разум получит право называться Мудрым.

Владимир, по настоянию бояр, оставил Рогнеду в живых и отдал ей Полоцк во владение. С тех пор Полоцкое княжество стояло особняком в истории Русской земли и наследовалось только князьями из рода Рогволда и Рогнеды.

Вот из этого-то великого и гордого рода и происходила невеста князя Александра Новгородского, именем Параскева Полоцкая.

Венчались в Торопце, на родине матери Александра, а потом под звуки колоколов Святой Софии молодые въехали в Великий Нова-город. Новгородцы сотворили князю «кашу» на торжище, которое вместил в себя всех горожан и гостей заморских, «низовских»⁷, и киевских.

⁷ Гости «низовские» – купцы из низовских городов, что располагались по течению рек, и самой Волги: Тверь, Кострома, Ростов, Переяславль, Суздаль, Владимир и т. д.

Когда гости захмелели, а стража утратила зоркость, пробралась к столу княжескому столетняя чудинка. Она пристально глядела на невесту, и провалившийся рот старухи бормотал слова, складывавшиеся в заклинания.

– Почто здесь эта чудинка? – загремел голос Александра.

– То Ильмара... – услышал он откуда-то со стороны.

– Пришла на невесту твою посмотреть, Александре, – прищурилась одним глазом Ильмара. – Чую я, что не будет ей доли с тобой. Народит она тебе разорителей отечества, да сыны твои будут твоим позором...

– Пошла вон, вон..., – схватился за нож жених.

Старуха засмеялась мелким дребезжащим смехом, шатнулась в сторону и исчезла в веселой толпе пирующих.

Не на пустом месте возникли предсказания чудинки. Александр был молодым человеком, не имевшим ни хорошего воспитания, ни врожденной мудрости, ни благородной жалости к побежденным. Неимоверная жестокость его выливалась во внезапные набеги на финские веси и кровавые расправы над пленными. Летописцы рассказывают, как слуги Александра, с его одобрения, привязывали пленных чудинов к хвостам коней и так предавали их смерти. А число повешенных и казненных мечом не смог бы сосчитать ни один летописец.

Поэтому проклятья сыпались на голову неумного воеводы, и самыми страшными из них были проклятия чудского племени.

6. «Наследник меркитского плена»

После смерти Чингисхана во главе Монгольской империи встал его сын Угедей. Хитрый и умный, он всегда был рядом с отцом и ещё при жизни Чингисхана сделался необходимым ему советником. Другой сын Чингисхана – Чагатай – стал верховным судьей. Братья Чагатай и Угедей сосредоточили всю власть Монгольской империи в своих руках. Хотя они и не были первенцами Великого Чингисхана, но зато никто не сомневался в их законном происхождении. Не то, что в происхождении их старшего брата и первого сына Чингисхана – Джучи.

– Наследник меркитского плена! – бросал злое оскорбление в лицо Джучи младший по возрасту брат Угедей.

Джучи молчал. Он был воином и всё дальше уходил на запад со своим непобедимым войском. Всё сложнее становились связи его с Каракорумом. И всё больше требовалось Угедею соглядатаев для присмотра за старшим братом.

Джучи с раннего детства был знаком с «тобчи»⁸, в котором рассказывалось, как попала в плен к меркитам⁹ его мать, красавица Бортэ. История эта уходила в глубь поколений и подтверждала, что всё на свете происходит из-за женщины.

Дед Джучи, Есугей-багатур, когда-то доблестью добыл себе жену Оэлун, отобрав её у молодого мужа-меркита. Народ племени меркитов был злопамятен. Прошло много лет, и уже ушел «в страну предков» отважный багатур Есугей, но меркиты не оставили мысли о мести. Однажды на рассвете земля, по которой кочевал со своей семьей сын Есугея, Темуджин, содрогнулась от множества конских копыт. Меркиты! Они ждали случая двадцать лет и прошли более трехсот верст, чтобы захватить Борджигинов врасплох. Темуджин ещё не был Чингисханом, и поэтому его Бортэ попала в плен.

Через несколько месяцев, собрав небольшие силы и вооружившись отвагой, Темуджин разгромил меркитов и вернул свою Бортэ. Но Бортэ была беременна. И хотя она утверждала, что беременной попала в плен к меркитам, и Темуджин от большой любви к ней признал это, мысль, что первенец Темуджина не является его сыном, всегда витала в воздухе, если это было кому-нибудь выгодно. Особенно часто этим пользовался Угедей, который был вторым сыном Великого завоевателя и его первым помощником.

Когда Джучи «ушел в страну предков», его место занял Батый. Вслед за Джучи в «страну предков» ушел и сам Чингисхан. Умирая, он наказал своим наследникам продолжать войну за овладение всем подлунным миром.

– Идите до самого края земли... Завоюйте все страны и покорите все народы... – едва шевеля губами, отдавал последний приказ Чингисхан.

Великую кошму Монгольской империи занял Угедей. А Батый продолжил поход монгольского войска на Запад, преследуя ненавистных меркитов, которые бежали на землю Багдадского халифата, а оттуда через ущелья Кавказских гор вышли в прикаспийские и причерноморские степи. Так орда Батыея, преследуя ненавистного врага, оказалась на границе с Русью.

Сын «наследника меркитского плена», Батый, слишком отдалился от недреманного ока Великого хана.

Отослать сына Чагатая, Бури, и своего сына, Гаюка, в стан Батыея было очередной хитростью Угедея. Двоюродные братья Гаюк и Бури прибыли в ставку Батыея. Теперь каждый день в столицу Монгольской империи, Каракорум, через пески пустынь мчались гонцы от Гаюка и Бури, и верховный хан Угедей знал положение дел в Джучиевом улусе едва ли не лучше самого Батыея. В те времена связь с Каракорумом была налажена лучше, чем, извините за непа-

⁸ Тобчи – сказание /монг./.

⁹ Меркиты – монгольское кочевое племя.

триотичность, работа сегодняшней почты. По дороге стояли хорошо оборудованные станции – ямы, отсюда пошло слово «ямщик». На станциях можно было поменять лошадей и запастись в путь продовольствием. Но у монголов для особых поручений был ещё курьер, звавшийся «гонец-стрела». Такой «гонец-стрела» не имел права на остановки в пути, он менял лошадей на ходу и дремать мог только в седле, потому что доносам с окраин империи монгольские ханы придавали особое значение.

У Батыя были свои соглядатаи, и двоюродные братья Гаюк и Бури были для него как заноза в зубах, как ресница в глазу.

В шатре Гаюка было тепло, сытно пахло вареной кониной. Золотая молодежь, сыны монгольской аристократии, собрались, чтобы провести время в досужих разговорах. Бури развязно смеялся и, отпивая из полукруглой чаши «тарасун»¹⁰, говорил:

– Э! Когда-нибудь, эта старая баба, Батый, получит от меня по башке!

– А я буду бить его поленом по животу, – Гаюк сделал вид, что сплюнул на кошму, себе под ноги.

– Наш брат Батый смел, как бык, с ним один на один никто не может справиться, – попытался остановить братьев осторожный Мункэ.

– Бык, испугавшись льва, десять лет поносом страдает, – хмыкнул Гаюк.

Стены шатра не были очень тонкими, но пропускали достаточно звука. Батый узнал о веселой беседе монгольских балбесов, но пока не посмел тронуть своих двоюродных братьев – за их спинами стояли могущественные отцы и Яса Чингисхана¹¹.

Нельзя было допустить «замятню»¹² в своем улусе¹³.

¹⁰ Тарасун – монгольская молочная водка.

¹¹ Яса Чингисхана, великий монгольский закон, был впервые зачитан на собрании монгольской знати – курултае – одновременно с провозглашением Темуджина Чингисханом всей Великой степи. Свитки Ясы извлекают из хранилища и руководствуются ими, когда съезжаются татарские царевицы на курултай, когда садится новый хан на Великую кошму или седлает коней большое войско.

¹² «Замятня» – татаская смута, правительственный переворот, возмущение /монг./.

¹³ Улус – стойбище, становище под одним буюруком (начальником). У монголов – завоеванная территория, руководимая князем – улусником.

7. Невская битва

Описания Невской битвы 1240 года не совпадают в разных источниках. И много загадочного и не совсем понятного несут в себе эти описания.

Точных границ в те времена не существовало, и между Тевтонским Орденом и Новгородом то и дело возникали земельные споры. Отношения Новгорода с соседями можно назвать вялотекущей приграничной войной.

Однажды в Новгород пожаловал Андрей Вильвен, тогдашний помощник магистра Тевтонского Ордена Германа Зальца.

Андрея Вильвена историк Н. М. Карамзин называет «мужем опытным и добрым сподвижником Германа Зальцы», а автор жития Александра величает его «именитым мужем Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божиими».

Житие Александра открывает нам причину, по которой якобы Андрей Вильвен пожаловал в Новгород. «Пришел, желая видеть зрелость силы его (Александра), ..., желая послушать мудрых речей его...»

Но не из любопытства глянуть на Александра прибыл Вильвен в соседнюю страну.

Вильвен приехал с важной миссией, которая заключалась в подготовке визита в Новгород особо важного гостя, зятя шведского короля Эриха, ярла Биргера, который управлял Швецией вместо своего тестя. Цель этого визита – урегулирование границ и торговых отношений Швеции с Новгородом.

С приходом на княжение неукротимого Александра Ярославича походы западных купцов в Новгород стали сопровождаться большими опасностями, но отказаться от великого пути на Восток через новгородские земли и воды Ганза не могла. Новгород оставался перевалочным пунктом Ганзейского союза, где хранились на складах товары из Европы и забирались со складов товары, поступающие с юга, из стран Востока. Нужен был новый, более жесткий, договор с Новгородом, ограничивающий произвол их князя и обеспечивающий безопасность западных купцов.

Чтобы на пути Биргера не случилось каких-либо неожиданностей, Вильвен и прибыл в Новгород заручиться миром и безопасностью.

Посадник, не желая отвечать за действия князя Александра, который слыл большим забиякой и самовольником, направил Вильвена к нему, договариваться самолично.

Андрей Вильвен уехал из Новгорода с хорошим настроением, рассыпая комплименты в адрес новгородского князя и считая миссию свою выполненной. Летописец вкладывает в уста доверчивого Андрея Вильвена такие слова: «Я прошел многие страны. Знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новгородского с изумлением». Вероломный Александр обладал таким простодушным обаянием, что опытный муж поверил его обещаниям.

Доверяя Новгородскому князю, Вильвен согласовал с Александром, место и время прибытия шведских судов, а также состав свиты и сопровождавших Биргера представителей Ганзы с особо ценными товарами.

После ухода Вильвена Александр пошел к чудинам, возбудил их алчность рассказом о прибытии богатого каравана и договорился о нападении на гостей. Чудской воевода Пелгуй взялся встать дозором на берегу Финского залива, чтобы предупредить Александра о приближении иностранцев.

В начале июля на волнах Финского залива появились шнеки с большим числом шведов, норвегов, финнов.

Пелгуй, ходивший дозором по берегу, увидел караван. Он отрядил к Александру гонца с известием о силе и движении прибывающих гостей.

Александр, получив долгожданное известие, направился к посаднику Новгорода и попросил у того разрешения выступить против шведского правителя. Но посадник собрал вече и на собрании вящих¹⁴ людей Новгорода выступил против того, чтобы давать Александру разрешение на поход, и тем более отряжать ему вооруженную новгородскую армию Александр сделал попытку заинтересовать новгородцев и нарисовал им заманчивую картину: «С Биргером идут ганзейские купцы с дорогими товарами, можно хорошо пожить». На вече спор решился не в пользу Александра. У Новгорода с Ганзой заключены договора о торговле, мире и обеспечении охраны купцов. Поэтому вящие люди категорически отказали Александру.

За Александра выступили шестеро новгородских ушкуйников, предводителей разбойничьих ватаг.

Александр понял, что его вероломный план срывается. Но новгородские мужички-вечники – ещё не вся сила. Александр направился в храм Святой Софии. Летописец рассказывает, что князь со слезами молился у иконы Пресвятой Богородицы, прося себе помощи. И помощь пришла от новгородского архиепископа Спиридона.

Александр настроил архиепископа против пришествия шведов, потому что среди людей Биргера находились католические священники.

Новгород не был монотеистическим городом. Кроме православного храма Святой Софии, в почете был храм Святого Олава¹⁵. Когда случались пожары или голод, то улицы Новгорода обходили с изображением этого скандинавского пророка, веря в его заступничество. Сильны были и язычники, сторонники Велеса. Выбор вер для четырнадцатитысячного населения торгового города был широким. Конечно, архиепископ Спиридон, боясь за своё влияние, не желал, чтобы ещё и католики усилили свою пропаганду. Он благословил Александра на вылазку против шведов. Александр на пороге церкви вытер слезы и повеселел. Заручиться поддержкой архиепископа дорогого стоит.

А шведы, прибыв к берегам Невы, рассчитывая на порядочность новгородцев и их князя, расположились в том месте, где Ижора впадает в Неву, и, разделившись на два лагеря, встали на обоих берегах Ижоры. Ничего не подозревая, они послали гонца к Александру с известием от Биргера: «Я стою уже в земле твоей». Летописцы добавляют еще: «Ратоборствуй со мною». Но были ли сказаны эти слова послем Биргера или в дальнейшем приписаны автором жития, чтобы обелить намерения Новгородского князя, неизвестно.

То, что Биргер оповещает Александра о своем прибытии, опять говорит в пользу того, что шведы исполняют договоренности Александра с Вильвеном.

Летописец поведал далее, что Биргер раскинул свой златоверхий шатер. По меньшей мере, странно, собираясь на войну, брать с собой шатер с золотым куполом. Шатер с сияющим золотом куполом сразу обнаружит для неприятеля нахождение шведов. На войну с золотыми куполами не ходят. Биргер явно прибыл с визитом, желал поразить новгородцев великолепием своего быта. То, что шведы шли с миром, подтверждает и тот факт, что Биргер взял с собой в поход сына сестры, Эриха, малолетнего принца. На войну детей не берут.

Александр Невский подошел к месту высадки шведов ночью. Его встретил чудин Пелгуй, тот самый, с кем Александр договорился заранее.

Александр осмотрел лагерь Биргера из укрытия и увидел, что охрана велика и что, напав, справиться с рыцарями ему будет нелегко. Чудской воевода Пелгуй понял замешательство

¹⁴ Вящие люди – сановные, богатые. В. И. Даль.

¹⁵ Олав – историческая личность. Будучи юным шведом, попал в плен к морским пиратам и оказался при дворе Владимира «Красное Солнышко». Познавал русскую грамоту и обычаи. С возрастом стал советником при Владимире. Однажды узнал в одном из матросов пирата, который взял в плен его и его мать. Олав убил того разбойника и вынужден был бежать в Скандинавию. Являясь незаурядной личностью, добился норвежского трона. Не смотря на то, что он был в юности крещен, став королем, обязан был исполнять жреческие функции, поклоняясь языческим Северным Богам. За что его очень почитали в Скандинавии. По разным источникам его называют тестем Ярослава Мудрого, который женился на Норвежской принцессе Ингигерд, дочери Олава. После смерти Олава в Новгороде был построен храм во имя его и даже создана икона с его ликом.

князя и, чтобы подтолкнуть Александра к действиям, придумал байку: будто бы этой ночью на море увидел в тумане белом насад¹⁶ и гребцов, «одеянных мглюю». А в насаде стояли два витязя лучезарных. Пелгуй говорит, что узнал этих витязей – то были святые Борис и Глеб. Борис обнял своего брата за плечи и сказал: «Поможем родственнику своему Александру», и насад стал удаляться в море и совсем исчез из вида.

– Воинство Небесное придет тебе на помощь, когда будешь изнемогать, – заверил Пелгуй Александра.

Чудской воевода, используя суеверность Александра, хитростью хотел заставить его вступить в бой с Биргером. Столкнуть лбами новгородцев со шведами было в интересах чуди.

В одиннадцать утра дружина Александра с ватагами новгородцев напала на шведов. То, что миссия Биргера была мирной, говорит и то, что нападения никто не ожидал. Лагерь не охранялся. Люди не были вооружены.

В лагере шведов возникла паника.

Летописец описывает отвагу ушкуйников. Гаврила Олексич гнал на коне за маленьким принцем. Тот успел заскочить в ладью, а новгородец пустился за ним по мосткам. Шведы, защищая ребенка, столкнули Гаврилу с мостков вместе с конем в воду. Тот успешно выбрался из воды и вновь вступил в бой. Новгородец Сбыслав Якунович бился топором в гуще врагов, а отрок Савва подсек столп шатра, и тот упал. «После чего россияне возгласили победу, – пишет Карамзин, – и покинули поле сражения».

Судя по тому, что шведы после боя остались на ночь в этом злополучном месте и стали хоронить своих убитых, они не были обращены в бегство. Занимаясь похоронными делами, они уже не боялись нападения. Погрузив тела своих знатных людей в одни шнеки и раненых в другие, шведы отбыли восвояси, гадая, что же это было.

Это была вылазка, вероломное нападение Александра на шведское посольство, идущее с визитом в Новгород, разбойничье нападение на купцов Ганзы с целью грабежа.

Сам ярл Биргер убедился в том, что путь западных купцов на Новгород смертельно опасен. Этот набег Александра должен был осложнить дальнейшие торговые отношения Новгорода с Ганзой. После этой Невской битвы торговая столица Северо-Востока, Новгород, надолго потерял свою привлекательность для Запада.

Конфликт с соседями породил долгую войну, и эпизодами этой войны будут битва на Чудском озере, и Раковор, и Копорье...

За самовольство Александр понес наказание. Новгородцы изгнали его из города и указали «путь чист» в «низовскую» землю, куда Александр и отправился, затаив обиду на Новгород.

Прозвище «герой Невский» в ранних летописях не встречается, Александр везде именуется князем Новгородским или Великим князем Владимирским. Значит, это прозвище ему дали намного позднее, после смерти, когда у его московских потомков возникла потребность в героическом предке. Тогда в устах послушных летописцев разбойничий наскок Александра на шведское посольство в устье Ижоры превратилось в героическую Невскую битву, а князь получил благозвучное прозвище Невский.

¹⁶ Насад – лодка.

8. Первенец

Рано утром, когда новгородцы ещё спали, тяжело груженный обоз заскрипел ободьями о деревянную мостовую Новгорода. Князь Александр покинул место княжения, определенное ему отцом Ярославом.

Путь к «низовской» земле, к родному Переславлю лёгким не назовешь. Лады, груженные добром, шли по системе рек и волоков, используя физическую силу гребцов. Когда вышли к Волге, путь сделался легче, плыли по течению. Впереди были Тверь, где на княжении сидел родной брат Александра, Ярослав Ярославич. За Тверью – Углич, князь которого, Владимир Константинович, был участником битвы с Батыем на Сити. Потом Ярославль, где предстояло сменить лады на телеги.

По всему пути Александр видел пепел сгоревших изб, разоренные городища, запустение, безлюдье и человеческие останки... Впервые он столкнулся с большим числом калек и людей, потерявших рассудок. Одичавшие люди прятались по лесам, боясь приблизиться к проплывавшим мимо ладьям. Безумие русских глаз мерещилось Александру из-за каждого куста, из-за каждого холма. Вопли несчастных людей преследовали караван даже ночью. Впервые он увидел жестокие следы Батыева нашествия и ужаснулся. Он мог сравнить западную угрозу с угрозой южной. Выходило, что монголы были намного страшнее.

В Ярославле встали привалом. Там предстояло перевалить добро на повозки и идти до Переславля посуху. Князь Василий Всеволодович радушно встретил родственников. Александр с удивлением заметил, что Василий гораздо младше его, Александра, а расторопно хозяйствует в разоренном городе. Князю Василию в то лето тринадцать годов исполнилось, а брату его, Константину и того меньше, одиннадцать.

Такие молодые князья сидели на столах княжеских не только в Ярославле, но и в Ростове. Угличе, Белозерске. По всей «низовской» земле рано повзрослели сыны отцов, погибших в сражениях с Батыем. Они собирали людей, рассеянных по лесам, воздвигали свои города и села из пепла. На их плечах лежала задача обновить разоренное государство.

Тронуло ли сердце Александра эта всеобщая нужда, трудно сказать. Ведь до Новгорода Батый не дошел, и новгородцы войны с монголами не знали.

Пока гостили в Ярославле у радушного князя Василия, много было переговорено, о многом узнал Александр: как сражаются монголы, как быт свой строят, как раболепствуют перед буюруками¹⁷ своими и ханами.

Когда новгородские гости засобирались дальше в путь, князь Василий отрядил свои подводы для их поклажи и возки для матери Александра, княгини Феодосии, и несправной жены его, Параскевы.

– От Ярославля до Ростова рукой подать, а там два поприща¹⁸ до Переславля, – с улыбкой успокаивал ярославский князь Александра. И столько неподдельной доброты было во взгляде внука Константина Мудрого, что Александр почувствовал вину за Ситскую сечу, где погиб отец Василия, и за обезлюдевшую землю, и за изнасилованные души людей, но признаваться в этом не стал.

Уже чувствовалось дыхание осени, когда тяжело груженный новгородский обоз выехал за валы Ярославля-града.

Параскева в дороге занемогла. Она молча кусала губы, боясь признаться себе и хлопотливой няньке, что боль внизу живота не проходит, а только отпускает на краткий миг и вновь схватывает приступом.

¹⁷ Буюрук – начальник, дословно – приказывающий /монг./.

¹⁸ Поприще – путевая мера и, вероятно, суточный переход, около 20 верст. В. И. Даль.

Возок, в котором ехала княгиня, приспособили для лежания. Мягкая рухлядь¹⁹, наваленная внутри возка, не давала ощущать дорожную тряску. И всё же Параскева чувствовала тревогу. Нянька, примостившаяся в ногах у княгини, полулежала, подоткнув свободную руку под голову, и тупо смотрела под ноги бегущей лошадки.

Боль становилась невыносимой, и Параскева, схватившись за живот, застонала глухим стоном, будто вырвавшимся из самой утробы. Нянька оживилась:

– Чего, голубушка? Никак схватки начались?!

– Нет, – сморщилась Параскева, – это так... Просто...

И застонала ещё громче.

Нянька выпрыгнула из возка, и её голос Параскева слышала уже далеко впереди.

Боль отошла и больше не возвращалась. «Вот ещё, взглумилась нянька, теперь переполюшит весь обоз!» – подумала Параскева, испугавшись пустой суматохи.

И в тот же миг ощутила, как что-то липкое и теплое обтекает её тело, мгновенно промочив льняные одежды.

– Нянька! – крикнула, что было сил, – нянька!

И закричала натужно, удивившись своему безволию. Будто кто-то чужой изнутри командовал теперь её телом.

– Ой, потуги! Потуги! – заголосила подбежавшая нянька, и Параскева почувствовала, как чьи-то сильные руки заворачивают подол, стаскивают с неё исподние порты, раздвигают её ноги.

– Давай, голубушка, тужься, тужься, – Параскева почувствовала, как её живот накрыли полотняным убрисом²⁰. Увидела, как с обеих сторон возка две девки-рабыни потянули концы длинного полотенца каждая к себе, низко приседая и упираясь ногами в землю.

– Давай, – командовала нянька. И приступ потуги снова потряс тело княгини. Она кричала, чувствуя, что при потуге боль уходит. И тужилась, тужилась... Наконец, что-то скользкое выкатилось промеж ног, и волна горячей жидкости обдала тело княгини до самой шеи.

– Малой! – завопила нянька, крутя в руках сморщенное существо фиолетового цвета, – княжич!

– Сын... Сын..., – губы княгини Параскевы кривились, выговаривая слова, но звука не было. Сил не осталось.

Подъехал Александр, принял на руки младенца, ткнулся лицом в теплые пеленки:

– Василием назовем, – провозгласил, волнуясь до слез, – пусть таким же будет, как Василий Всеволодович, князь Ярославский.

¹⁹ Мягкой рухлядью в древности звали меховые шкурки.

²⁰ Убрис – полотенце /др.-русск./.

9. Предательство

Батый осел в прикаспийских и причерноморских степях. Впереди был путь в Закарпатье, на Венгрию, Польшу, Чехию. Советники из числа русских бояр, которых взял Батый пленниками, в один голос твердили, что Венгрия богата землями, винами, серебром и золотом, прекрасными девами. Надо идти туда! На Венгрию! На Венгрию!

Батый и сам понимал, что ещё не выполнил завет деда Чингисхана. Он не достиг края земли. Но как уйти с границ Руси, когда не все ещё русские города покорились ему? Из почти двухсот городов, что стояли на русской земле, только четырнадцать он взял на меч. Остальные затаились за стенами и валами, за дремучими лесами и болотами. Нельзя уйти за Карпаты, оставив в тылу непобежденного врага.

Больше всего Батые волновали отношения с двоюродными братьями. Гаюк, этот сын пестрой козы, всячески выказывает неуважение. Только вчера, когда важные родичи собрались пировать, и Батый, как старший среди присутствующих первым поднял и выпил провозглашенную чашу, Гаюк рассердился и проговорил, обращаясь к Бури: «Как смеет Бату пить чашу раньше нас, этот сын „наследника меркитского плена“! Зачем он лезет равняться с нами, законными наследниками своих великих отцов!»

А Бури, этот собачий хвост, только ухмылялся!

Затем Гаюк и Бури засобирались уезжать, не желая оставаться в шатре Батые.

Что делать с ними? За их спинами стоят их могущественные отцы, а Батый, слывя мудрым, не может нарушить Ясу Чингисхана и посеять замятню в своих улусах.

И как идти на Венгрию, когда у венгерского короля Белы появились татарские жеребчики. Монгольские лошадки низкорослы и лохматы, как дикие зверьки, но они быстроходны и выносливы. Они сами добывают себе корм, и им не надо стойла для отдыха. Только на таких конях можно достичь победы. Яса Чингисхана запрещает продавать или дарить монгольских лошадок в недружественные земли.

– Повелитель, тот, кто продал в Венгрию жеребцов, изменил не только тебе. Этот человек нарушил Ясу Чингисхана, – советник хана, мудрый китаец Или-чут-сай, прочел мысли Батые.

– Так кто же продал в Венгрию монгольских жеребчиков?

Батый заволновался, лисья шапка сползла с его выбритого темени, и жидкая косичка задралась высоко вверх

– Повелитель, поручи Сартаку узнать, кто это сделал.

Через день сын Батые, Сартак, вошел в шатер Батые с важным известием.

Соглядатаи доложили, что племенных коней в Венгрию отогнал худой русский князек Андрей из Сарвогла и получил за то большие деньги.

– Кто!? Кто продал русскому наших коней!? – гневом перекосило лицо Батые.

– Гаюк, – тихо, но внятно произнес Сартак.

От такого важного и долгожданного известия пальцы Батые затряслись мелким треском.

– Кривому дереву лучше засохнуть, – Батый вскочил с кошмы, – казнить всех, кто причастен к измене! Но я не могу предать смерти сына Угедея!

– Вышли его за пределы своего улуса. Пусть отправляется в Каракорум к отцу, – Или-чут-сай всегда подает мудрые советы.

Батый взглянул на сына. Сартак понимающе кивнул:

– Я отдам приказ, отец.

– И Бури пусть убивается вслед за братом!

Злоба душила молодого хана Гаюка так, что сердце билось, как пойманный таймень. Злоба заполнила все его внутренности и распирала грудь тяжелым дыханием. Хан Гаюк поки-

дал ставку Батые с позором монгола, преступившего закон Великого Чингисхана. Вместе с Гаюком в Монголию был выслан и хан Бури, соучастник позорной сделки.

Рядом со злобой в сердцах двоюродных братьев Батые поселился страх. Что будет с ними в родной Монголии? Когда рядовых воинов отправляют из действующей Орды к родному очагу, это означает только одно – позор семьи и рода. Такого человека ждала участь арата²¹ степной отары до конца жизни.

Какую участь приготовят им их влиятельные, но суровые отцы, монгольские балбесы могли только гадать. Поэтому путь до Каракорума обещал быть очень долгим. Спешить было некуда.

²¹ Арат – пастух /монг./.

10. Последствия невской битвы

Нападение Александра на Биргера в устье Невы не прошло без последствий. На Новгород и его князя затаил обиду не только лишь шведский правитель, но и сам магистр Ордена Герман Зальца. На Неве погибли рыцари, державшие охрану шведского ярла Биргера. А рыцарей в Ордене не так-то уж много.

Прибывшие из Палестины в 1237 году, рыцари Тевтонского Ордена насчитывали всего сорок человек, и их подвиги были овеяны славой.

Конечно, ряды рыцарей можно было пополнить за счет Ливонского ордена, созданного вместо прусского Ордена меченосцев, члены которого к тому времени были хорошо потрепаны армией литовского князя Миндовга, но всё ещё представляли военную угрозу для врага.

Величественный и строгий поборник военной дисциплины, магистр Геман Зальца не сразу принял прусаков в свои ряды. Когда же в состав Тевтонского ордена влился Ливонский орден, численность рыцарей составила около трехсот человек. Правда, у каждого рыцаря была группа людей, составлявших его поддержку. Это оруженосцы, конюхи, слуги, до двадцати шести человек обслуги на каждого рыцаря.

Вот это небольшое, но хорошо вооруженное и обученное воинство держало в повиновении обширные земли Ливонии и Пруссии.

Получив урок недоверия на Невских берегах, руководство Ордена приняло решение обороняться от Новгорода. В короткий срок на берегу Финского залива рыцарями была возведена крепость Копорье, явившаяся хорошим плацдармом и для обороны и для наступления на Новгород. Орден явно готовился к реваншу за Невскую битву.

Той же осенью рыцари взяли русский городок Тёсов. Купцы, стремившиеся в Новгород, уже в тридцати верстах от него подвергались грабежу от немцев. А племена воль и чудь полностью перешли в подчинение Ордена и опустошали берега реки Луги, уводя скот, лошадей, отчего земледельцы не могли обрабатывать поля. Новгороду грозил очередной голод.

Новгородцы, прибывшие во Владимир, описали князю Ярославу Всеволодовичу последствия нападения Александра, его сына, на шведов, обрисовали свои бедствия и потребовали от Великого князя организовать оборону Новгорода. Тогда исправлять ошибки Александра вызвался его младший брат, князь Андрей, который и отправился в Новгород во главе дружины. Но защитить новгородские земли от грабежа Андрей не смог.

Тогда новгородцы призвали к ответу архиепископа Спиридона. Это он не захотел пришествия шведского посольства в Новгород, это с его благословения Александр совершил нападение на мирный караван! Из-за недалёковидности архиепископа вышло военное противостояние.

Новгородцы потребовали, чтобы Спиридон ехал к Александру в Переславль и уговорил князя вернуться и исправить свои грехи. Как ни был Александр своеволен и малопослушен, соседи его побаивались.

Архиепископ Спиридон отправился в «низовскую землю», в Переславль. Там он встретился с Александром и убедил его вернуться в Новгород.

Параскева была опять на сносях, поэтому осталась в Переславле. В пути Александра догнала радостная весть: жена разрешилась вторым сыном. Его назовут Дмитрием.

11. Битва на чудском озере

Псков всегда был под властью Новгорода. Но, с появлением на окраинах псковской земли Тевтонского Ордена, псковитяне завязали дружеские отношения с рыцарями и впустили в город князя, ставленника немцев. Славянские и немецкие летописи свидетельствуют даже о совместных военных походах рыцарей и псковичей на соседей.

Прибыв на новгородские земли, Александр разрушил крепость Копорье. Взяв в плен рыцарей, он отпустил их, видимо, исправляя вину перед Вильвеном, а чудь и водь перевешал как изменников.

Расправившись с местным населением, Александр пошел на Псков и в результате осады взял его на щит. При этом летописец пишет, что семьдесят мужественных рыцарей положили там свои головы, шестерых оставшихся в живых Александр велел повесить. Значит, численность гарнизона, оборонявшего Псков, составляла 76 человек.

За Псковом простирались земли Ливонии. Александр распустил свои отряды в «зажитьё», т. е. разрешил победителям грабить местное прибалтийское население.

Тогда тевтонский Орден, защищая свои земли и подвластный ему народ, выступил, чтобы дать отпор грабителям.

Отряд, выступивший против новгородцев, состоял из двухсот пятидесяти рыцарей. А вместе с обслугой их было около семисот. К ним присоединилось мужское население ограбленных ливонских селений. Историк Татищев пишет: «и мастер (магистр) пришел против Александра со всеми бискупами (епископами), и со всею силою их, и с помощью королевской (с ратниками шведского короля)». Итак, численность немецкого войска составляла около полутора тысяч.

Летописцы называют одну цифру войска Александра, «бещисла» – «столько, что невозможно счесть». Всё население Новгорода тогда насчитывало четырнадцать тысяч человек. Сюда входили старики, женщины, дети, духовенство и купечество, которые не могли встать под знамена Александра. Значит, новгородское ополчение насчитывало не более двух тысяч, да ещё дружины Александра и князя Андрея. Всего на стороне Александра было около трех тысяч воинов.

Один из отрядов Александра, пущенных в «зажитьё», увлекшись грабежом, углубился в территорию Ливонии и набрел на рыцарское войско, идущее на выручку местному населению. Новгородцы были разбиты. А те, что остались в живых, бросились к Александру, чтобы предупредить его об опасности.

Александр узнав, что один из его отрядов побит немцами, стал спешно вызывать воинов из «зажитья». Из Ливонии русские отступили.

Александр понял, что бой с неприятелем неизбежен, и начал искать плацдарм для будущего сражения. Он поставил своё войско «на узмени», то есть в узком месте Чудского озера, там, где просматривались дороги – одна на Псков, другая на Новгород.

У высокой скалы, называемой Вороньим камнем, выстроился русский лобовой полк. Утром 5 апреля 1242 года немцы вышли на расположение русских. Выстроившись клином, а по-русски – «свиньей», немцы ударили в лоб, но внезапное нападение с флангов русских смешало строй рыцарей, они растерялись и вынуждены были бежать. На протяжении семи километров русские преследовали их и били. Так закончилось сражение на Чудском озере.

Рыцари Тевтонского Ордена потеряли две трети своего войска. Магистр Ордена опасаясь, что Александр дойдет до Риги, но Александр, взяв пленных, пошел на Псков.

Там он обратился к псковитянам с речью, в которой поспешил закрепить свою победу на века, чтобы еще долго пользоваться результатом своей ратной работы. Корысть была в крови Александра:

– О! Псковитяне, не забывайте победы моей! И принимайте даже самых отдаленных моих потомков, и давайте им пристанище в злополучии. А если забудете Александра, то вы будете примером неблагодарности.

О потомках Александр заговорил не зря. Семья князя увеличилась.

Вскоре был подписан мир между Орденом и Новгородом, по которому немцы отказывались от Пскова, Ветлуги, Ладоги, также был произведен обмен пленниками. И так умирились. И сразу же после того Александр распорядился поставить в Пскове католический храм. Это факт исторический, и говорит он, что, несмотря на прошедшую битву, немцы пользовались большим влиянием и уважением на русских северных территориях, а особенно в Пскове.

12. Поход на Венгрию

Батый, уважая наказ деда, строил свою империю по законам Ясы Чингисхана: четкое подчинение нижестоящих членов монгольского общества вышестоящим, строгая дисциплина, державшаяся на смертной казни, и безбрежное море доносчиков. Доносительство вознаграждалось и было возведено в закон.

Батый имел соглашения во всех странах известного тогда мира. Были они и в окружении императора Великой Римской империи, Фридриха Второго Штауфена из рода Гиббелинов. Были соглашения монголов и в свите короля Франции, Людовика Девятого Святого, ратовавшего за повсеместное введение папского суда – инквизиции.

Батый разослал гонцов в европейские станы с требованием покориться ему, Великому завоевателю. Европа притихла под пристальным взглядом раскосых глаз степняка, обреченно понимая, что никуда не деться от взбесившегося Востока.

Первым ответил император Фридрих Второй. Внук непобедимого Фридриха Барбароссы с напускной покорностью докладывал Батыю, что он любит соколиную охоту, знает в ней толк и мог бы служить хану в чине сокольничего. Великий монгол оценил юмор Великого Германца. Завязалась переписка.

Совсем по-другому складывались отношения у Батыя с Венгерским королем Белой Четвертым. Бела Четвертый имел неосторожность принять у себя половецкого хана Котяна, бежавшего от Батыя за Карпаты. Батый потребовал выдать Котяна, но венгерский король прельстился подношениями кагана, красотой его юной дочери Эржебет и хорошо вооруженной армией половцев. Бела понимал, что Котяну деваться некуда, что его армия с упорством заложников будет защищать земли Венгрии, определенные половцам на жительство королем. Потому не выдал Котяна.

Венгерские магнаты не желали подчиняться королю и творили один заговор за другим. Даже сестра короля состояла в заговоре против своего брата. Положение Белы Четвертого было незавидным. Если не считать личной охраны короля, то Котян был единственной вооруженной силой, подчиненной королю и способной сопротивляться врагу.

Когда до Белы Четвертого дошла весть, что Батый перевалил через Карпаты, король разослал в замки своей страны гонцов. Они несли окровавленный, заговоренный меч с призывом встать под стяги короля на защиту Венгрии от Батыя. Никто не откликнулся на призыв короля. Подло, исподтишка, ножом в сердце был убит хан Котян. Единственная надежда венгерского короля рухнула. Маленькая Эржебет, дочь Котяна, поклялась отомстить убийцам, и, развернув полки половцев, увела обороноспособные силы от восточных границ к Адриатике.

Батый прошел через Венгрию, не встречая сопротивления. Венгрия была разорена так же, как когда-то Русь. Шел 1242 год.

К водам Адриатики уже вышли первые чамбулы²² татарского войска, преследуя бежавшего в Далмацию короля, как поступил внезапный приказ Батыя повернуть назад. Армия монголов так же стремительно откатилась за Карпаты, на восток, на земли Галиции, как и пришла.

Причиной столь поспешного маневра было непредвиденное обстоятельство: умер хан Монголии Угедей. Для избрания нового хана в далеком Каракоруме должен был собраться курултай – всеобщее собрание монгольской знати, на котором присутствие близких родичей было обязательным. Обязательным это положение было и для Батыя.

На место Великого хана всей Монгольской империи претендовали двое: один – сын умершего Угедея, Гаюк, злейший враг Батыя, другой – сын Тулуя, Мункэ, друг и соратник Батыя.

²² Чамбул – карательный отряд /монг./.

Появление Батя в Монголии грозило ему смертью. Перед ним встала сложная задача возвести на Великую кошму своего ставленника Мункэ, не показываясь в пределах Монголии.

13. Поручение Батые

Поразмыслив и выслушав советников, Батый пригласил в свою ставку князя Ярослава Всеволодовича. Ярослав, обойдя полюдьем²³ соседние земли, и собрав дань, направился к Батые в кыпчакскую степь. Князья соседственных земель затаились, с любопытством и страхом ожидая возвращения Ярослава от жестокого и своенравного хана.

Ярослав, хоть и считался союзником Батые, но, прибыв в его стан, обязан был пройти церемониал, установленный советниками хана.

Шаманы сопровождали русского князя, придирчиво наблюдая, как отреагирует пламя ритуального огня, когда гость хана мимо двух костров будет проходить. Пламя не погасло и это означало, что князь Ярослав не имеет злых намерений.

Далее Ярославу пришлось поклониться священному кусту. Листья его не пожелтели и не свернулись, указывая на чистоту помыслов Ярослава.

Третьим испытанием было поклонение Богоподобному Чингисхану, разрисованная маска которого, закрепленная на вершине высокого шеста, смотрела на Ярослава остановившимся стеклянным взглядом, внушая страх и вызывая трепет. Шаманы кружились вокруг своего Бога, издавали странные горловые звуки, по очереди ударяя в огромный бубен. Ярославу казалось, что эти мрачные, почти дьявольские звуки пронизывают его нутро, доставая до печени и сердца. Ноги князя ослабли и подкосились, он упал ниц. Верховный шаман остался доволен.

В шатер хана Ярославу предстояло вползти, не задевая порога и не поднимая головы. Ярослав осторожно перенес тучное тело через порог и как можно ниже, распластавшись по серой кошме, пополз к трону Батые, вытянув губы трубочкой, чтобы облобызать туфлю повелителя.

Ярослав выразил свою покорность и напомнил Батые, что он не принимал участие в боях против него. Что он рад выполнить любое поручение Батые и хочет лишь одного – чтобы великий хан принял его, Ярослава, «в любовь к себе». Батый оказал милость русскому князю, решив ему поднести привезенные в ставку, подарки. Слова преданности Ярослав подтвердил горой собольих и лисьих шкурок и изделиями русских золотарей²⁴.

Батый не возражал против права Ярослава на Великое княжение на всей территории Руси, но надо было, чтобы это право подтвердил своей волей Великий хан Монголии. Поэтому Ярослав должен собрать много дани мехами, медом, серебром и отправиться в Каракорум.

Хитрый Батый задумал отправить на курултай вместо себя своего улусника²⁵, русского князя, которому тут же, в шатре Батые, оказали почет и отвели место на одном из ярусов, где сидели чиновники хана. От всего пережитого голова Ярослава шла кругом, но в тот день ему предстояло пройти ещё одно испытание.

В шатер втокнули и бросили к ногам хана связанного по рукам и ногам сарволгского князя Андрея. Лицо князя было залито кровью, и Ярослав не сразу понял, кто перед ним. Вслед за истерзанным князем в шатер втокнули его жену с младенцем на руках и младшего брата. Их Ярослав узнал.

Важный буюрук прочитал приказ хана о наказании за продажу монгольских жеребчиков в Венгрию. Толмач перевел, что хан повелевает казнить предателя, нарушившего Ясу Чингисхана. Заголосила княгиня сарволгская, зашлась в истошном крике, стоя на коленях, протянула дитя своё к хану, умоляя не лишать её чадо отца, не делать его сиротиночкой.

²³ Полюдьё – объезд округа или области для сбора дани Полюдная дань, подать, собираемая объездом с народа. В. И. Даль.

²⁴ Золотарь – позолотчик по дереву. В. И. Даль.

²⁵ Улус – завоеванная монголами земля, улусник – правитель завоеванного улуса.

Батый вопросительно взглянул на толмача. Тот скороговоркой перевел мольбу женщины.
– Никто не имеет силы нарушить Ясу Чингисхана. Это русский князь может казнить и миловать по своему разумению, а у нас закон.

Толмач перевел слова хана. Молодая женщина по-своему поняла услышанное. Она нашла глазами Ярослава, и взмолилась, прося помилования. Сам униженный до праха, Ярослав низко опустил голову, боясь выказать своё отношение к происходящему, и молчал.

– Я дам тебе мужа, а твоему малаю отца, – как спасение Ярослава от срама прозвучали слова Батыя.

Женщина грянулась лбом о серую кошму. Робкая надежда родилась в её душе, и она, подбирая хвалебные слова в адрес хана, благодарила его за милость.

Турхауды завернули руки князя Андрея за спину. Один из них ударил несчастного в правый бок. Князь застонал от боли и согнулся. Тогда другой турхауд, выхватив кривой меч, одним ударом отсек повинную голову. Женщина ахнула и забилась в истерике.

Турхауд поднял голову казненного за волосы, насадил на пику и понес по кругу, поливая кошму дымящейся русской кровью.

Слуги внесли подносы, от которых шел пар. Запахло мясом. Гости брали вареную конину руками и с жадностью поглощали её. Ярославу пришлось взять в руки кусок мяса. Несоленая конина не лезла в горло, но Ярослав упорно жевал и глотал, боясь выказать неуважение хозяину шатра.

Насытившись, Батый объявил свою волю. Толмач провозгласил от имени хана, что Великий Батый хочет выполнить свои обещания и дает овдовевшей княгине мужа, а её сыну отца. Право на княжение Сарволгом передается брату убитого князя. Вдову брата новый правитель должен взять себе в жены, а её ребенка стать отцом.

Папский легат Плано Карпини, бывший в тот раз в шатре Батыя среди других послов позднее напишет:

«Брат убитого князя возразил, что предпочитает умереть, нежели в чем-либо пойти против своего закона; однако Батый вынудил его взять женщину силой; их обоих заставили лечь на общее ложе, с ребенком, который кричал, принудив, таким образом, их соединиться».

Эта сцена насилия была разыграна Батыем для того, чтобы Ярослав понял: над всеми русичами давит сила, которой нельзя не подчиниться, что Русь отныне будет жить по законам Орды, и насиловать её будут по прихоти завоевателей.. Ярослав это понял и стал проводником ордынских порядков на Руси, что впоследствии привело к узаконенному игу.

Карамзин пишет: «Так государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю²⁶ свою под иго варваров».

²⁶ Выя – шея /др.-русск./.

14. Планы отца и сына

Ярослав первым из русских князей вернулся от Батыя невредимым. «Приде князь Ярослав ис Татар в землю свою честно и славно, и бысть радость в Русской земле велика», пишет летописец. Далее летописец сообщает, что к Ярославу во Владимир стали съезжаться люди «от славной реки Днепр, и от всех стран земли русской: галичане волынские, киевляне, черниговцы, переяславцы и славные кияне, торопчане, миняне, мешчане, смоляне, полочане, муромцы, рязанцы, и все подражаху храбрости его, и обещали жизнь свою положити за избаву христианскую. И всяческого богачества преисполнены».

Русские люди восторженно встретили князя Ярослава. Они надеялись, что Ярослав, вступивший в Великое княжение, организует «избаву христианскую» от врага. И эта надежда сплачивала их в едином желании встать под знамена великого князя и начать борьбу с врагом. Приезжая во Владимир, они несли на общее дело всякое «богачество», клялись в верности князю и жизнь свою полагали за избавление земли русской. Ярослав «богачество» принимал, о своем геройстве перед Батыем много рассказывал, но бороться с врагом и не думал. Он собирался с принесенными ему средствами идти в Каракорум, к трону Великого хана, чтобы и там выразить свою покорность и положить к ногам монгольского хана Русскую землю с её народом и всеми природными богатствами. А взамен получить поддержку завоевателей, которые наводили ужас на все соседние земли и народы. О таком могуществе, которое может обеспечить дружба с монголами, прежние князья и мечтать не могли.

Александр прибыл из Новгорода во Владимир попрощаться с Ярославом, собиравшимся в Монголию. Слушая рассказы отца о встрече с Батыем, об исключительном положении властителя монголов, дивился и торжествовал!

И Ярославу, и Александру приходилось подчиняться решениям народных собраний, не раз спорить с мужичками-вечниками, не единожды быть изгнанными из вечевых городов. Русские князья были только правителями, но не владельцами земли. Теперь открывались другие перспективы.

Александр полностью был согласен с отцом: хватит подчиняться городским вечам, уж лучше быть улусником хана, купив у него ярлык на княжение, чем послушником народного собрания. Хан и силой военной пособит, когда потребуется князю, и противников к порядку призовет своей властью. Теперь держитесь, сучьи дети новгородцы! Мы вам покажем, что есть князь и что есть вече!

В долгих разговорах отца и сына рождался проект построения власти по образцу монгольской Орды: деспотизм властителя над бессловесной массой подданных. Передача приобретенной власти от отца к сыну по одной линии, и никаких родовых старейшинств! Ярослав и Александр готовили величайшее в истории человечества предательство своего народа.

Но пришло известие, что в Чернигов из Европы вернулся брат Ярослава, князь Михаил Черниговский, претендент на Великий стол после Ярослава, который по праву старейшинства мог оттеснить Александра от власти.

Ярослав поспешил к Батыю.

15. Князь Михаил Всеволодович – брат Ярослава

В 1238 году, когда первые отряды татар вторглись в землю русскую и уже подступали к Чернигову, Михаил Черниговский и его сын Ростислав, убив послов Батыевых и выбросив их тела на съедение псам, покинули отчину. Бежали от Батыя так борзо, что в пути потеряли княгиню Черниговскую. Жена Михаила затерялась на дорогах Галиции и отстала от каравана. Долгое время о ней ничего не было известно.

А Михаил, прибыв в Венгрию, рассказал королю о непобедимом воинстве, которое напало на Русь. По слухам, это и не люди вовсе. У них красные лица, похожие на кусок сырого мяса, а глаз их не видно. От них несет таким смрадом, будто вышли они из могил, и поднялись из самого «тартара»²⁷, а зовут их «тартары». А предводителя своего они зовут по имени Бату, что значит «батя».

Сестра Белы, Милена, была заинтригована баснями Михаила. Ей хотелось увидеть покорителя мира, загадочного Батыя, и, может быть, если повезет, стать его подругой... В голове принцессы рождались самые фантастические планы.

Михаил пояснил, что приехал выполнить свои договоренности, женить сына Ростислава на принцессе Анне. Он также не скрывал, что собирается пересидеть время нашествия «тартарских» бесов. Но советники Белы Четвертого настойчиво советовали королю не давать убежища врагам Батыя и отправить от себя черниговских беглецов. Что это за князья, у которых нет ни земли, ни возможности пополнять казну. И достоин ли князь Ростислав их принцессы Анны!?

Долгие споры привели к решению: браку Ростислава и Анны состояться. Отдать молодой чете на кормление земли Словении, которые Ростислав с дружиной должен будет защищать от врага. А отца жениха, князя Михаила, прогнать от двора короля.

Михаил болезненно переживал своё унижение. Родной сын Ростислав отвернулся от отца и чести ему не оказал.

Михаил, боясь вернуться в Чернигов, пошел в Рим. Он искал встречи с папой, чтобы договориться об участии европейских рыцарей в войне с татарами, но ему было отказано.

Побегав по Европам, Михаил с оскорбленным чувством достоинства, решил вернуться в Чернигов и сдать на милость Батыя.

Михаил Всеволодович был старшим в роду после Ярослава. Возвращение его сильно обеспокоило Ярослава и его сына Александра.

²⁷ Тартар – ад.

16. В Каракорум

Собрав обоз, погрузив казну, Ярослав двинулся в кыпчакскую степь, к Батыю. Русский князь посетовал хану на появление в Чернигове Михаила, который виноват перед Батыем и заслуживает самого строгого наказания. Батый внимательно выслушал Ярослава и понял его желание устранить законного претендента на русский престол. Повелитель отдал приказ привести беглеца пред свои очи.

Но услуга за услугу. Ярослав, отправляясь в Каракорум, должен выполнить поручение Батыя, связаться с ханом Мункэ и поддержать его тем добром, которое русский князь собрал с доверчивых россиян. Кроме Ярослава Всеволодовича, от улуса Джучи в Монголию пошли братья Батыя: Орда, Шейбан, Беркэ, Беркечар, Тангут, Тука-Тимур. Они будут прикрывать русского князя в его тайных сношениях с Мункэ. Они же пояснят на курултае, что сам Батый не может прибыть в Каракорум, потому что совсем ослаб здоровьем, и его мучают боли в ногах. Это должно вызвать радость у сторонников Гаюка и притупить их подозрительность.

Вместе с князем Ярославом в Монголию отправился папский легат Плано Карпини.

Путь до Монголии был долгим и трудным, через пустыни и горы, через бурные реки и солончаки. О многом переговорили в дороге русский князь и папский легат. Латинское верование стало ближе русскому князю, и он уже не был тверд в исповедании православия.

Многие слуги князя Ярослава погибли, не пережив трудностей пути. Сам Ярослав плохо переносил дорогу, но его поддерживал боярин Федор Ярунович. Наконец русский караван прибыл в столицу Монголии Каракорум. Город этот состоял из юрт и кочевал по воле Великого хана.

По прибытии в Каракорум Ярослава направили к вдове умершего хана Угедая, Туракинэ. Ставка Туракинэ, обнесенная тыном, вмещала до двух тысяч людей. Сама ханша сидела на высоком помосте под балдахинном, окруженном вооруженными конниками. Ярусом ниже сидели чиновники и старейшины.

Туракинэ милостиво встретила Ярослава и прибывших с ним посланников папы Римского. Она приняла дары и указала русскому посольству место рядом с чиновниками.

Как только Ярослав примостился у ног Туракинэ, на широкой, покрытой ковром, скамье, сомнения и беспокойство, владевшие им до приема, прошли. Он вздохнул свободно и тут почувствовал толчок в бок. Федор Ярунович тревожным взглядом показывал на свободный проем в тыне, откуда слышалось приближающееся пение. Певцы славил сына Туракинэ, хана Гаюка, шествовавшего следом.

Хан Гаюк мельком взглянул на Ярослава, и у того противно засосало под ложечкой. Было от чего. Гаюк, оставивший своих шпионов в ставке Батыя, хорошо владел информацией.

Ярослав не зря испугался взгляда Гаюка. Вскоре за ним и боярином Федором Яруновичем пришли турхауды, взяли под стражу и отвели в ставку Гаюка на дознание. Русских послов подвергли пыткам, добиваясь от них истинной цели визита.

Историк Татищев пишет, что «было наговорено на Ярослава Федором Яруновичем. И много истомления принял он от татар за землю русскую, и отпустили его уже изнемогшего». После чего русского князя призвала ханша Туракинэ. Ханша отпускала Ярослава на Русь, приказав тому по прибытии домой прислать к ней на поклон сына Александра. Ярослав обещал исполнить приказ могущественной женщины.

Плано Карпини напишет, что Туракинэ дала Ярославу есть и пить из собственных рук. Отказаться от такой чести Ярослав не смел, он принял чашу, в которую женщина опустила свой мизинец с длинным отполированным ногтем.

Возвратившись с приема, князь почувствовал себя плохо. На другой день важный чиновник принес приказ ханши, чтобы русское посольство немедленно покинуло пределы Кара-

корума. Спешно собравшись, Ярослав со свитой отправился в обратный путь. Недуг князя усиливался. Через семь дней пути он скончался. При этом тело Ярослава странным образом посинело, что дало повод летописцам утверждать, что русский князь был отравлен. Так печально закончилась последняя интрига Ярослава Всеволодовича.

А хан Гаюк, победив хана Мункэ на курултае, взошел на Великую кошму Монгольской империи. Он пылал ненавистью к Батью и собирался свести с ним счеты. Огромная монгольская орда, выйдя из пределов Центральной Монголии, взяла направление на Запад. Начался второй поход монголо-татар на Русь.

Мать хана Мункэ, Соркуктун-беги, отправила к Батью «гонца-стрелу», со словами: «Бату, будь готов, Гаюк-хан с войском в тринадцать туменов²⁸ идет в твои пределы».

Это известие вызвало тревогу Батья – у него на вооружении в то время состояло только четыре тумена. Надо было принимать срочные меры.

²⁸ Тумен – десять тысяч /монг./.

17. Убийство в Орде

В разоренный Чернигов прибыли послы от Батыя и объявили князю Михаилу волю хана: «Михаиле, не годится жить на земле хана, не поклонившись мне!».

Настало время держать ответ перед завоевателем. Духовный отец, перед которым Михаил открыл душу, даже обрадовался, что князь идет на тяжкое, может быть, смертельное испытание: «Иди, Михаиле, иди, только не кланяйся идолам, и ничему сотворенному руками людскими, а только Богу Иисусу Христу!» Владыка сверлил взглядом князя, будто нутро выворачивал. Он видел, что колеблется душа Михаила и продолжал уговаривать. «А коли погибнешь, то за веру Христову! И в нынешнем веке будешь новосвятым мучеником на укрепление духа иным...», – священник высоко поднял перст свой.

Русская православная церковь тяготилась контролем Греческой патриархии. Русским церковникам хотелось свободы действий в собственной митрополии, собственных, независимых от поставления Константинополя митрополитов, и, конечно, своих русских святых мучеников. Требовалась кровавая жертва.

Смерть, хоть и за веру, не прельщала Черниговского князя.

– Как же без причастия на тот свет уйду! Буду отверженным у Господа нашего..., – торговался Михаил.

– А я тебе дам причастие с собой и благословение...

Михаил с боярином Федором, войдя в роль смертников, выехали в «низовскую землю», в Ростов. Там жила дочь Михаила, княгиня Мария Михайловна, вдова героя русского, князя Василько.

Михаил плакался перед дочерью, жаловался на незавидную судьбу свою. Он потерял всё. Земля Черниговская в его отсутствие разорена Батыем полностью. Киевом сейчас владеет Ярослав, который не допустит возвращения туда Михаила. Сын Ростислав, женившись на венгерской принцессе, отвернулся от отца. Михаил, пока прозябал в Европе, растерял старых друзей и союзников и остатки казны. Один боярин Федор до конца верен князю. Вот и вся поддержка. Самое страшное, что ныне Батый призывает в свой стан. Придется отвечать за всё: и за погубленных послов, и за поиски союзников, и за попытки создать коалицию с папой против Батыя. Все эти тайные интриги хорошо известны Батыю. У него везде глаза и уши.

Мария Михайловна, утешая отца, рассказала, что сыновья её, Борис и Глеб Васильковичи не раз ходили уже в Орду и возвращались оттуда живыми и невредимыми.

– Они же внуки твои родные. Не печалься, батюшка. Глеб сейчас с князем Ярославом в Монголию пошел, а Борис тебя проводит до Сарая. Василия Ярославского кликнем. Он не откажет. Вот тебе и подмога, и охрана, и проводники.

Из Ростова выехали в конце лета 1245 года. В ставку Батыя прибыли уже к середине сентября.

Батыю доложили о прибытии черниговского князя. Батый приказал шаманам провести Михаила через священный ритуал и только после того поставить пред очи свои.

Князь Михаил прошел через очистительный огонь. И кустам, несмотря на предупреждение черниговского епископа, поклонился. Тогда боярин Федор напомнил князю о наставлении отца духовного. «Михаиле, помнишь ли поучение духовного отца своего не кланяться идолам?» – сердитым шепотом прошипел боярин.

Шаманы жестами приказали Михаилу идти с боярином дальше и подвели их к шесту, на котором висела маска Чингисхана. Михаил устрасился грозного вида и заупрямился: «Негоже нам, христианам, идолам поганым кланяться. Ваш царь Батый кичится тем, что признает все веры на земле. Тогда пусть не заставляет меня быть идолопоклонником».

Послали в шатер Батыя слугу именем Елдега. Тот вернулся быстро:

– Царь Батый велел сказать тебе: почему он, царь, покоривший одиннадцать земель и народов, уважает твою веру, а ты, пес, который потерял землю свою, и народ свой отдал на волю победителям, не уважаешь веру Великого хана?

Михаил был оскорблен дерзкими словами Батыева слуги. Свидетелями унижения был его внук Борис и сыновец²⁹ Василий Ярославский и множество бояр, дружинников и слуг. Княжеская гордость взыграла:

– Передайте Батыю: тебе, царь, кланяюсь, потому что Бог поручил тебе царствовать на этом свете. А тому, чему велишь поклониться, – не поклонюсь!

Елдега, будто ждал вздорных слов, засмеялся:

– Михаил, знай – ты мертв!

Внук Михаила, Борис, испугавшись поворота событий, упал на колени перед дедом.

– Господин мой, отец родной, поклонись татарскому Богу. Убьют тебя слуги Батыевы! – умолял Борис деда, заливаясь слезами.

– Я того и хочу, за веру пострадать, за Христа кровь пролить...

Бояре ростовские и ярославские начали уговаривать Михаила не упрямиться. Обещали грех поклонения идола на себя взять. Но Михаила обуял гнев. Он сбросил с себя плащ, затопал ногами и закричал:

– Возьмите славу этого света! Вы только именем христианским называетесь, а поступаете, как поганые язычники!

Боярин Федор, чтобы прекратить уговоры, начал отпевать себя и князя своего. Михаил подхватил пение. Два престарелых человека, протягивали руки к небу, прося у Христа прощения и моля его о милости.

Борис и Василий, глядя на них, плакали. В толпе послышалось:

– Убийцы идут от царя! Кланяйтесь! Кланяйтесь!

– Мученики твои, Господи, не отреклись от тебя, и тебя ради, Христос, страдают! – повысил голос боярин Федор. Михаил вторил ему.

Убийцы подъехали верхом. Они спешили и стремительно набросились на Михаила. Двое растянули ему руки, а третий ударил под дых. Михаил содрогнулся, ловя ртом воздух. Ещё несколько ударов в грудь нанесли ему убийцы. Михаил стал оседать на землю. Его отпустили, и когда он свергнулся, ещё долго били ногами. Один из слуг Батыевых, бывший православный именем Домиан, поднял голову Михаила за волосы и, орудуя большим кинжалом, перерезал ему горло. Деловито отделил голову князя от тела и откинул прочь.

Елдега подступился к боярину Федору:

– Видел смерть господина своего?! Хочешь ли получить в управление княжество Михаила?

Боярина Федора била дрожь:

– Княжения н-н-не хочу! Богам вашим н-н-не поклонюсь! Страдать б-б-буду, как князь мой...

Елдега кивнул Домиану:

– Давай!

Боярина Федора растянули за руки, долго били в грудь, потом запрокинули голову и резали по горлу кривым кинжалом.

Обезглавленные тела князя Михаила и боярина Федора вынесли за пределы Сарай-Бату и бросили на съедение псам, так же, как когда-то в Чернигове обошлись с ханскими послами.

Заказ Ярослава Батый выполнил.

²⁹ Сыновец – племянник.

18. Приказ Батыя

Дикие литовские племена вдруг осознали свою силу в единстве. Многие из них объединились вокруг князя Миндовга и устремились на новгородские, полоцкие, смоленские земли. Дружина Александра постоянно находилась в разъездах, то там, то тут воюя с разбойничьими шайками литвинов.

Полоцк, родина жены Александра, был захвачен Миндовгом и утрачен для полоцкого князя навсегда. Параскева с сыном Василием отправилась к родным в Витебск, навестить и утешить престарелых отца и мать. На обратном пути обоз, с которым шла Параскева, был окружен бандой литвинов. Жена Александра и сын Василий попали в плен. Гонец, прискакавший в Новгород с места событий, сообщил Александру о беде.

Как ветер наскочил Александр на литовских бандитов. Он отбил жену и сына, и так возвратились домой, по пути ещё семь раз вступая в бой с расплодившимися шайками литвинов. В дерзости Александру не откажешь, но защитить от Миндовга земли Северо-Западной Руси ему все-таки не удалось. Многие земли русских княжеств, вслед за Полоцком, надолго отошли к молодому Литовскому государству.

Когда из Монголии прибыло тело Великого князя Ярослава, Александр поспешил во Владимир оплакать кончину отца. Ярослав был для старшего сына не только отцом, но и соратником. Отец и сын хорошо понимали друг друга. Задуманный ими вместе политический проект по изменению системы власти и организации её по монгольскому образцу Александру предстояло осуществлять одному,

Во Владимир на прощание с князем Ярославом съехались многие князья русских земель. Съезд этот должен был законно решить вопрос о наследовании власти. Прибыли на собор князья Ростовские Борис и Глеб – братья Васильковичи. С ними пришли Василий Ярославский и Владимир Угличский, а также сыновья умершего Ярослава, Александр Невский, Ярослав Тверской, Василий Костромской.

После смерти Ярослава старшим среди его сыновей оставался Александр. Он и претендовал на Великое княжение, и уже веселился и потирал руки, видя себя повелителем всей Руси.

Но на съезде выступил его племянник и друг, Василий Ярославский, и со свойственным ему прямодушием напомнил, что еще жив их дядя, князь Владимир Константинович Угличский, сын Константина Мудрого, чудом спасшийся от Батыя и уцелевший на Ситской битве. Именно он по древнему праву должен был принять старейшинство и стать Великим князем Русской земли.

Предложение князя Василия раздосадовало Александра: власть уходила из его рук. Голоса родичей, собравшихся на съезде, подтвердили старейшинство князя Угличского. Братина прошла по кругу, и прозвучала здравица в честь Великого князя Русской земли, Владимира Константиновича. Вдруг через считанные дни случилось непредвиденное. 14 января 1249 года Владимир Угличский почувствовал себя плохо и неожиданно скончался.

Летописец напишет: «Плакася над ним Александр князь и с братиею и проводил его честно из Золотых ворот и везоше его в Угличе Поле». Так закончил свою жизнь во Владимире ветеран Ситской сечи, честный князь Владимир Константинович, пришедший по древнему лествичному закону получить Великое княжение, а принявший вместо того смерть свою. Умершему князю не было и тридцати лет.

Александр оплакал его, но далеко провожать не стал, только до Золотых ворот – дела, дела...

Вопрос с Великим княжением оставался открытым.

Неожиданно и некстати во Владимир явились кардиналы Гальд и Гемонт, которых папа Иннокентий Четвертый направил к Александру. Папа в письме уверял Александра, что его

отец, Ярослав Всеволодович, находясь в Татарии у великого хана, «страстно возделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, через брата Иоанна де Плано Карпини, в присутствии военного советника Емера...»

Далее папа пишет: «Желаем, чтобы ты, как законный наследник отца своего, смог последовать по стопам своего отца и предаться исполнению заветов и поучений Римской церкви». Возможно эти строчки и не вызвали бы гнева Александра. Он знал своего отца как человека гибкой политики и хорошего интригана и предполагал, что под давлением каких-либо обстоятельств Ярослав мог отречься от православной веры и принять более удобную на тот момент, католическую, но далее папа пишет:

«Просим тебя об особой услуге: как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтоб не преминул ты немедля известить об этом братьев Тевтонского Ордена, в Ливонии пребывающих, дабы мы смогли с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать».

А вот это не входило в планы Александра. Он не собирался противодействовать Батю, он жаждал союза с ним, чтобы воспользоваться его военной машиной, которая наводила ужас на весь мир.

Александр выразил громкое возмущение письмом папы. Кардиналам он ответил, что всё, что написано в письме о его отце, – ложь. Тогда ему предложили призвать в свидетели Федора Яруновича, боярина, прошедшего с Ярославом весь путь до Монголии и сопровождавшего труп господина на родину.

Старый боярин подтвердил Александру правоту изложенных в письме папы событий. Александр обвинил старика во лжи и до смерти запытал ненужного свидетеля отцовской измены.

Всё это происходило на глазах у Ярославского князя Василия, считавшего Александра своим другом. Воспитанный на принципах чести и совести, внук Константина Мудрого, князь Василий был потрясен всем увиденным. Возможно, он догадался о причинах смерти дяди Владимира Углицкого. Не исключено, что, будучи человеком открытым, он высказал Александру преступную неправоту его.

Летописец напишет: «Тое же зимы, Василий, князь Всеволодович преставился во Владимире на память Святого Феодора (25 января) и повезоша его на Ярославль, и Александр князь проводи его, и Борис и Глеб и мати их». Было князю Василию тогда немногим более двадцати лет.

Во Владимире, на одном и том же русском съезде произошли две загадочные смерти князей линии старшего Всеволодовича, Константина Мудрого. Молодые, полные сил мужи один за другим уходят на тот свет. Летописцы не поясняют причин смерти и говорят об этом скороговоркой, явно боясь обнаружить истинные мотивы и заказчика убийства. Поистине, чего не случится, когда решается дело о власти.

Вскоре до Александра дошел приказ Батя: «Мне покори́л Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, приди ко мне: увидишь честь и славу царства моего».

Место старейшего князя ещё оставалось незанятым. От воли Батя теперь зависело дать его тому или иному князю.

Александр с братом Андреем выехали в Волжскую Орду. По следам кочевья они нашли в степи многолюдный шатровый город, центром которого была разрисованная войлочная юрта хана Батя.

Александр явился к Батю не с голыми руками. Он нес хану письмо папы Римского, в котором тот просил Александра шпионить за передвижениями войск Батя. Выдавая замыслы папы Римского, Александр выказывал свои верноподданнические чувства самому Батю. Он выражал покорность татарской власти и побратался с сыном Батя, Сартаком.

– Анды³⁰, как одна душа, – произнес Сартак, снял с себя несторианский³¹ крест и отдал его Александру.

– Я твой верный брат, – Александр сдернул с груди православный крест и протянул Сартаку.

Сын Ярослава поклялся Батыю в верности и с радостью принял на себя звание улусника. Так волею Александра Русь на века становится улусом Золотой Орды. Костомаров пишет: «Руси предстояла другая историческая дорога, для русских ... людей – другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым, как для себя, так и для своих потомков усвоить рабские свойства».

Приказ Туракинэ прислать в Каракорум Александра Батый должен был выполнить. Это было в его интересах, борьба за власть в далекой Монголии продолжалась. И хотя на Великую кошму взошел Гаюк, Батый не оставил мысли возвести на неё своего друга и двоюродного брата Мункэ.

Он направил Александра в Монголию с поручением: связаться с Мункэ, передать ему серебро для дальнейшей борьбы и секретные наставления. Вместе с братом в Монголию пошел князь Андрей, который не раз поддерживал Александра в его делах.

В пути между братьями возникли разногласия. Пылкий и благородный Андрей почувствовал цинизм, с каким Александр рассуждал о предназначении власти, отводя русскому народу роль рабов. Впервые младший брат не согласился со старшим и остался при своем мнении.

³⁰ Анда – побратим /монг./.

³¹ Несториане – течение христианства.

19. Царица Огуль – Гаймыш

Хан Гаюк двинул свою орду на Запад, мечтая наказать Батыя за своё унижение. Вслед за ханом двинулся его двор и многочисленные жены. Главная жена Гаюка Огуль-Гаймыш была женщиной вздорной и недалекой. Она умирала от зависти, видя, как Туракинэ, мать её мужа, правит рядом с Гаюком и принимает дорогие подношения от многочисленных послов и купцов, постоянно прибывающих в Каракорум.

В кибитке, запряженной тридцатью лошадьми, обитой изнутри китайским шелком, Огуль-Гаймыш предавалась мечтам о собственной власти и несметных богатствах. Трястись по пескам пустыни и умирать от жажды и жары она не хотела. Когда её пальчики, утяжеленные перстнями, всыпали ядовитый порошок в чашу мужа, она и не предполагала, что снадобье получено от сторонников хана Мункэ.

Орда Гаюка не успела пройти и сотой части пути, как её повелитель занемог. Когда стало ясно, что Гаюк «собрался в страну предков», орда спешно развернулась назад, в Монголию.

Империю, созданную Великим Чингисханом в начале тринадцатого века, к середине того же века распирала уже внутренние раздоры, потому-то второй поход монголов на Русь не состоялся.

К концу пути Александр и Андрей узнали, что хана Гаюка нет в живых, а Монголия снова готовится к курултаю. Они поспешили в Каракорум.

Великолепие Монгольской столицы потрясло корыстного Александра. Шатры, шитые золотом, шелковые ткани, красивые женщины, богатые базары не шли ни в какое сравнение с суровой русской действительностью.

Ставку Огуль-Гаймыш братья Ярославичи нашли на берегу ручья, омывающего прекрасную долину. Великолепный шатер, поддерживаемый множеством, окованных золотом столпов, изнутри и снаружи был украшен шелковыми тканями. Огуль-Гаймыш восседала на троне, который был похож на мягкое ложе. Над её головой слуга держал зонтик, осыпанный драгоценными камнями.

Лицо женщины, облаченной в желтые шелковые одежды, было искусно накрашено, отчего скулы казались выше, а азиатские раскосые глаза, обведенные черной краской, казались широко открытыми. Высокая ботта³², глубоко сидевшая на лбу красавицы, была увенчана пучком страусовых перьев и звенела золотыми подвесками.

Александр восхищенно, во все глаза смотрел на приоткрытый, накрашенный кармином рот Огуль-Гаймыш, и та поняла, что произвела на русского багатура ошеломляющее впечатление. Ханша перевела взгляд на князя Андрея. Высокий красавец с русыми кудрями до плеч и здоровым румянцем на щеках, смотрел на Огуль с едва заметной насмешкой. Это задело её самолюбие.

Драгоценные соболя на царскую шубу и изделия русских золотарей больше не занимали её воображения. Огуль во все глаза рассматривала русских богатырей.

Братья Ярославичи выделялись из толпы монголов, окружавших трон царицы, словно львы в стае обезьян. Особенно младший, князь Андрей.

Вдова хана Гаюка, Огуль-Гаймыш, возжелала любви русского красавца – князя.

Каракорум братья Ярославичи покидали, став в одночасье врагами.

Младший брат Андрей Ярославич получил от Огуль-Гаймыш право на княжение во Владимире, что автоматически делало его Великим князем Руси. Александру ханша отдала разоренный Киев, который перестал существовать не только как столица, но и как рядовой город.

³² Ботта – конусообразный головной убор монгольских женщин.

Мечты Александра о Великом княжении и о беспредельном господстве на Руси в очередной раз рухнули.

20. Летописец – монахиня Мария

Сколько может страдать женская душа!? И что могут родить страдания!? Об этом ли мыслила княгиня ростовская Мария Михайловна, когда перебирала в памяти жизнь свою, расколо-тую на две части войной с татарами. В той довоенной жизни, Ростовский князь Василько, стар-ший сын Константина Мудрого, собирая дань по поручению отца, кружил по городам и весям, приглядывая себе невесту. Когда въехал на двор черниговского князя и увидел в толпе деву-шек Марию, понял, что именно её искал так долго.

Перед нашествием Батыя в семье князя Василько и Марии было уже двое сыновей. Стар-шему Борису пошел двенадцатый год, младшему Глебу было около пяти. Призыв Великого князя Юрия выступить на бой с врагом Василько встретил так, как подобало воину и защит-нику отечества. Не дождавшись помощи ни от Всеволодовичей, ни от Ярославичей, он вместе с родными братьями Константиновичами принял бой на Сити. В бою был пленен воеводой татарским Бурундаем, который восхитился силой и мужеством и красотой ростовского князя. Бурундай предложил плененному Василько забыть обиды и послужить хану Батыю. Русский князь с гордостью отверг предложение Бурундая и был убит в лагере врагов.

Оставшись вдовой, Мария Михайловна ушла в монастырь с желанием писать летопись событий, чтобы оставить память о злых годах потомкам. Она написала житие своего мужа, в котором прославила его мужество и красоту и доброту:

«Был же Василько лицом красив, очми светел, и грозен, храбр паче меры на охоте, серд-цем легок, до бояр ласков. Никто же от бояр, кто ему служил, и хлеб его ел, и чашу пил, и дары имал, тот никакому иному князю уже не мог служить за любовь его. Крепко же слуги своя любя, мужество же и ум в нем жили, правда же и истина с ним ходили. Был он сведущ во всем и искусен, и княжил он мудро на отчем и дедовом столе; а скончался так, как вы слышали».

Благодаря писанию Марии Ростовской мы можем удостовериться, что во времена Баты-евой рати были на русской земле истинные герои, но, как и положено истинным героям, они отдали жизни свои за освобождение отечества от врага.

Только любящая женщина могла написать такое:

Уж нам к своим милым ладам
Руками не прикоснуться,
Очами не дотянуться
И думами их не достать.
Застонал, братья, Киев от горя,
От напасти Чернигов.

Печаль обильная потекла по Русской земле...

Прошло время, и другое потрясение пережила Мария. В Орде был убит её отец, Черни-говский князь Михаил. Монашеский чин обязывал Марию быть кроткой, терпеливой, безро-потной. И она молчала, но изливала свои слезы на пергамент. Так родилось «Слово о полку Игоре-ве», где в иносказательной форме, выражался страстный призыв к соотечественникам, мстить врагам за погубленные жизни, за слезы вдов, за искалеченные судьбы русских людей, мстить, мстить, мстить....

Вступите же, господа, в золотые стремяна
За обиду сего времени
За землю Русскую...

«Низовская земля» со столицей во Владимире при князе Андрее Ярославиче стала центром, куда съезжались те, кто мечтал о свободе своей родины. Мысли о сопротивлении распространялись по городам и весям и находили отклик в умах людей, заселяющих «низовскую» землю. Нужен был всеобщий призыв.

Тогда и появилось «Слово о полку Игореве», автором которого стала женщина, вдова князя Василько Константиновича, Мария Михайловна.

Мы же, русичи, бывалые воины!
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны!
С конца копья вскормлены!
Луки у нас натянуты!
Колчаны отворены,
Сабли наострены.
Братья и дружина!
Лучше нам порубленными быть,
Чем без чести жить!

«Слово» потрясло русское общество. Его читали, переписывали, распространяли. Ему верили и готовились к сопротивлению.

21. Принцесса Христина

Перед самой поездкой Александра в Монголию Параскева Брючславна родила мужу третьего сына, которого назвали в честь брата Андреем. После похода в Монголию это имя было ненавистным Александру.

Александр не поехал в данный ему ханшей Киев. Он вернулся в Новгород, и стал там княжить, стараясь подлаживаться под новгородскую вольницу. Вскоре туда же приехал митрополит Кирилл, который покинул Киевскую резиденцию, будучи несогласным с политикой Даниила Галицкого.

Митрополит Кирилл – личность неординарная, широко мыслящая. Он задавался вопросом, почему Русь постигло такое бедствие, как нашествие варваров, чем объяснить это? Он искал ответ в библии и нашел его. В истории еврейского народа было нашествие на Иудею жестокого царя Навуходоносора. Тогда еврейский Бог ясно дал понять, что он наказывает людей еврейского племени за грехи, умножаемые ими без числа. А чем лучше иудеев русичи, презревшие законы добра, родства и веры? В проповедях, а потом и в летописях стали появляться объяснения татарскому игу – за грехи людские Бог наказывает. А посему следует не сопротивляться, но терпеть! Идея терпения будет звучать с амвонов православных церквей, смущая людей и бичуя их разум.

Вот так двое сильных мужей, разных по понятиям нравственности, найдут общий язык в вопросах порабощения народа русского. Один – митрополит Кирилл, идеалист, глава русской церкви, и другой – князь Александр, корыстолюбец и властолюбец, сошлись на идее непротivления врагу.

Мысль, что младший брат нарушил наследственное право и владеет старейшинством, вызывала горькую обиду. Александр искал случая отомстить князю Андрею и восстановить справедливость. Лелея в себе злые чувства, Александр навлек на себя болезнь сердца. Татищев пишет: «и была болезнь его тяжка весьма, но Господь Бог умолен был о нем».

Весна 1251 года выдалась дождливой с великим паводком, «и потопило весь хлеб, и сено, и мост Великий в Новгороде снесло на Волхове».

Тем временем новгородские земли Лопь и Карелия продолжали подвергаться набегам финнов, которые были тогда под властью норвежского короля Гаккона. Александр, чуя болезнь свою, спешил уладить отношения с соседями. Он направил в норвежский Дронтгейм посольство. Королю Гаккону предлагалось прекратить набеги на новгородские земли. Послам российским также приказано было узнать лично дочь Гаккона, принцессу Христину, чтобы посвятить её за сына Александра Василия. Василию тогда исполнилось тринадцать лет, Христине восемнадцать.

Король норвежский был согласен на оба предложения. Он послал в Новгород собственных вельмож, которые заключили мир и возвратились домой с богатыми дарами.

В последующую осень Новгород постигла очередная беда. Ранний мороз побил все озимые. На разоренных Литвой землях разразился голод. Новгородцы отрядили тринадцатилетнего Василия Александровича с дружиной в «низовскую землю» за продовольствием.

Эта поездка открыла глаза сыну Александра на истинное положение дел в Русской земле. Юный Василий увидел, что есть люди, которые не желают покориться монголам, есть силы, готовые сопротивляться захватчикам. Из похода в Суздальскую землю старший сын Александра возвратился повзрослевшим и полным противоречивых мыслей.

Отец уже казался ему не героем, но человеком, добровольно принявшим на себя груз зависимости от монголов. Василий во многом был согласен с дядей Андреем.

Князь Андрей, не желая идти на мир с Батыем, нашел себе союзника в лице Даниила Галицкого, князя Юго-Западной Руси, который смотрел на католический Запад как на спа-

сение от свирепых завоевателей. Дружбу свою князя подкрепили женитьбой князя Андрея на дочери Даниила Галицкого Добраве.

Мысли о борьбе с захватчиками разделял с Андреем и его младший брат Ярослав Тверской. Заедино с князем Андреем стояли князь Борис Ростовский и князь Константин Ярославский, брат уморенного во Владимире Василия.

А в Новгороде неприязнь старшего сына Александра к отцу вылилась в постоянные споры и неожиданные стычки.

Очевидцы, ходившие к Гаккону, по секрету рассказали Василию, что Христина ростом длинна, телом плоска как лодейное весло, с жидкими волосами и веснушками через всё лицо, да к тому же старше Василия на пять лет. Василий наотрез отказался жениться на норвежской принцессе, выражая непокорность отцу. Александр вскипел и пригрозил сыну темницей.

Тогда Василий в горячности выкрикнул в лицо Александру, что ему есть где укрыться от несправедливого гнева отца – у дяди Андрея. Там собирается сила русская, на «низовской земле» зреют семена гнева. И месть за гибель земли русской близка. И худо придется всем татарским прихвостням. Этого Александр не ожидал от родного сына. Он вскипел, но внезапно лукавая мысль пронзила сознание князя новгородского. Он быстро собрался и отъехал с дружиной в кыпчакскую степь, в ставку Батыя.

22. Погибель Батыя

Батый был возмущен происками папы Римского против него, Великого завоевателя. Двинуть Орду на Запад, чтобы покорить Европу до конца, было обычным делом, но несвоевременным. Батый ждал известий из далекого Каракорума. И оно наконец пришло.

Друг и соратник Батыя, Мункэ наконец-то взошел на Великую кошму. Первым делом он устроил грандиозный суд над Огуль-Гаймыш и сторонниками Угедея, Чагатая и Гаюка. Приговор суда Великого хана был страшен. Огуль-Гаймыш и ещё триста её приближенных были казнены самым жестоким способом. Семьи казненных были сосланы на окраины Великой степи, родственники бывших чингизидов пополнили армию низшего сословия монгольского общества, аратов.

Тотчас же начала действовать договоренность между двумя двоюродными братьями. Один из них, Мункэ, принял власть над всей империей от Востока до Запада. Другой, Батый, провозглашен главой золотого рода Борджигинов. Теперь никто не смел говорить, что он сын «наследника меркитского плена». Двоюродные братья поделили всю империю на двоих, расправившись с недружественными родственниками.

Теперь путь на Венгрию для Батыя оказался чистым.

Орда Батыя, гремя железными доспехами, скрипя телегами и издавая животный рев кочевого скота, поползла на Запад. Тысячи конников перевалили через Карпаты и во второй раз вторглись в пределы Венгрии.

На этот раз Венгрия приготовилась к встрече с жестоким врагом. Маленькая Эржебет, дочь хана Котяна, вероломно убитого венгерскими магнатами, стала королевой, приняв предложение овдовевшего Белы. Она привела к присяге половецкие полки и усилила королевское войско. Очередной заговор против Белы, в котором участвовала его сестра, был раскрыт. Заговорщики были казнены, сестру короля заключили в одну из башен Пешта.

В долине Дунайской низменности выросли неприступные крепости-замки. Окрестное население, узнав о приближении монголов, бежало под защиту крепостных стен, рассчитывая пересидеть нашествие варваров. Орда Батыя обтекала замки, видя их неприступность, и шла дальше.

Летописец пишет: «сестра короля бежаше к нему во град, но варвары достигли ею, пленише и к Батыю отведеша...»

Мечта венгерской принцессы исполнилась. Батый пленился красотой мадьярки и сделал её своей наложницей.

Король Бела узнал о бегстве сестры к врагу. Собрав все силы Венгрии в единый кулак, Бела Четвертый внезапно напал на Батыя и погнал его до Карпат. Сестра Белы, имея проводников в горах, попыталась вывести Батыя на земли Галиции, чтобы орда его могла там перестроиться. Орда Батыя сильно поредела и, впад в паническое состояние, уже не оказывала сопротивления гнавшим их венграм. Кочевники могли хорошо воевать только на открытых пространствах. Батый и принцесса, страшась погони, спрятались в одной из пещер в Карпатских горах.. Но король на этот раз имел много сторонников. Проводники указали ему путь к пещере.

Летописец пишет: «сестра короля, тогда бежащая с Батыем, помогаше Батыю, их же король обоих погубил. Король на коне сидя и секиру в руке держа, ею же Батыя убил...»

Так закончилась жизнь Батыя, Великого завоевателя. К стыду нашему, не от русского меча, а от венгерской секиры. Венгры не захотели выю свою склонить перед Батыем и доказали, что сопротивление возможно. Именно венгры покончили с мифом о непобедимости монгольского войска, а не наши «славные и святые» князья.

23. Обида

Гонца, чудом вырвавшегося из кровавого венгерского котла, прошедшего через непроходимые снежные перевалы и принесшего Сартаку правдивую весть о смерти отца, казнили мечом. Это была первая жертва на смерть Батгя.

Сартак принимал уверения в верноподданнических чувствах своих вассалов, когда появился Александр. Щедро расточая подношения женам Сартака и чиновникам, он жаловался на брата Андрея, который захватил власть опричь его, Александра. Когда новгородского князя пригласили на прием к хану Сартаку, тому уже были известны обиды Александровы.

Сартак встретил Александра милостиво, посадил рядом с собой, угощал венгерским вином и вареным мясом. Для Александра принесли чашу с солью, зная любовь русских к посолу.

Когда вино было выпито, а мясо съедено, Сартак обратился к Александру: «Анды – одна душа. Что мучает моего брата, скажи!»

Александр живо начал свой рассказ об обидах, нанесенных братом Андреем ему, Александру. Сартак слушал, не вникая в спутанную речь русского князя. Мало ли обид наносят друг другу несговорчивые русичи, разве можно принимать всерьез их слова и действия, пусть дерутся промеж собой. Так легче управлять русским улусом.

Когда Александр понял, что Сартаку неинтересны его жалобы, он решился на предательство.

А знает ли хан, что брат Андрей породнился с Даниилом Галицким, и вместе они замышляют вооруженное сопротивление? А знает ли могучий Сартак, что во Владимир стекаются «богачества» земли Русской, усиливая войско Суздальского князя, а «выходы и тамги хану князь Андрей платит не сполна».

Недоплата дани – это тяжкое преступление против монгольской власти. Этого Сартак стерпеть не мог.

– Твои враги – мои враги. Бери Неврюя и иди с ним на Андрея. У нас говорят: кто победил, тот и князь. Пусть Неврюй пленит твоего брата и пригонит его ко мне. Куремсе иди на Галицию, на Даниила. Мы напомним трусливым русичам время Батыево.

– Я отдарюсь, Сартак, серебром и золотом и конями и рабами... Мне бы ярлык ханский... на Великое княжение....

– Будет тебе и ярлык, Александре.... Иди и победи брата своего.

24. Неврюева рать

Рать Неврюя и дружина Александра преодолели степное пространство и вошли в Суздальскую землю.

Для князя Андрея известие о приближении монгольского войска оказалось неожиданным. Когда гонец от дозора сообщил, что во главе вражьей рати идет Неврюй, а путь ему указывает князь Александр, Андрей запаниковал.

– Господи! Что же будет, если мы будем меж собою браниться и наводить друг на друга татар? Лучше мне уйти изгоем в чужую землю, нежели покориться татарам!

Княгиню Добраву Андрей немедленно отправил от себя в северные пределы. Он, дав ей охрану, приказал идти на Псков, да поспешать, чтобы враги не настигли. Если в Пскове появится Александр с татарами, то идти в Ригу под прикрытие Тевтонского Ордена и там схорониться.

– Я приду за тобой, лада, – успокаивал Андрей жену.

Простившись с женой, Андрей собрал воинство своё и выступил к Переславлю, где ждал его брат Ярослав Ярославич.

24 июля 1252 года у Переславля произошла битва русских князей с Неврюевой ратью. Сила победила отвагу. Многотысячное войско Неврюя разбило русские полки. Андрей и Ярослав бежали из-под Переславля на север.

А Неврюй, взяв Переславль, предал огню вотчину Ярославичей, много людей убил, ещё больше взял в полон. Юную жену Ярослава Ярославича замучил до смерти, а его малолетних деточек увел на невольничий рынок.

Александр победил. Что чувствовал победитель, когда увидел разоренной свою вотчину, где родился и вырос, где знал каждый дом, каждое деревце, всех людей наперечет?

Александр отворачивался, когда мимо него проводили связанных волосяной веревкой пленных земляков. Они ловили его взгляд, протягивали руки, вопя о спасении. Спасения не было.

За победу над братом, за добытое Великое княжение надо платить. Александр отдал землю «низовскую» на разграбление победителям. Костомаров пишет: «Татары, опустошив Переславль, рассеялись по земле, истребляя людей и жилища; увозя пленных и скот, так как по правилу монгольскому за вину князя должна была расплачиваться вся земля».

Получив от Сартака ярлык на Великое княжение, Александр с пожалованием ханским въехал в разоренный Владимир победителем. Митрополит Кирилл организовал пышную встречу своего единомышленника. Он «встретил Александра с крестами, и со всем священным собором, и со множеством людей». Звучало церковное пение, звонили колокола, но народ, стоявший по сторонам дороги от Золотых Ворот до княжьих палат, безмолвствовал. В каждом роду и каждой семье были потери. Александр, приведший Неврюеву рать на «низовскую землю», больше не казался ни героем, ни защитником.

Александр в благодарность митрополиту и в искупление греха предательства, начал восстановление стольного Владимира с построения церквей, разрушенных Неврюем.

Князь Андрей достиг Новгорода и встретился с молодым князем Василием Александровичем. Тот рад был дяде, но вящие люди Новгорода не желали осложнения с Александром и потребовали, чтобы князь Андрей покинул их город. Князь Андрей, испытав сполна долю изгоя, двинулся к Пскову, где его ждала Добрава Даниловна. Через Ревель изгнанники отправились морем в Швецию. Там, обласканные шведским королем, князь Андрей Ярославич и Добрава Даниловна прожили несколько лет, пока не улегся гнев Александра и он, сведав о том, где находится брат, отправил за ним посла.

25. Княжичи Дмитрий и Андрей Александровичи

Несчастливая Параскева разрывалась между Александром и Василием, примиряя отца и сына.

Она всё чаще вспоминала старую чудинку, пророчества которой на их свадьбе начинали сбываться. Не было мира не только между Александром и Василием, но не ладили между собой и младшие сыновья Дмитрий и Андрей. Они делили деду и отчину, город Переславль. Каждый из них хотел быть в нем владетельным князем.

Переславцы, пленённые Неврюем, были отправлены в Кафу, на невольничьи рынки. Двоим из них удалось бежать от своих хозяев и с большими трудностями добраться до Переславля. Вернувшись, они рассказали о судьбе тех, кто дошел в невольничьем караване до южных пределов. Русских мужчин приобретали арабские купцы для пополнения армии мамлюков султана Египта. Русские женщины на рынках Кафы ценились особенно дорого. Их покупали купцы европейских стран для утех господ и арабских стран для пополнения гаремов.

С интересом слушал рассказы бывших пленных князь Андрей Александрович. Он, младший сын Александра, ходил с отцом в Орду, не раз видел караваны пленников, бредущих по степям на рынки, но не знал цену рабам. Теперь младший княжич в каждом человеке видел источник серебра. Особенно присматривался к женщинам, как к дорогому товару.

Брат его, Дмитрий, не одобрял взглядов брата, и вражда между Александровичами разгоралась всё сильнее.

Параскева не могла примирить сыновей, так неуживчивы они были и скверно бранчивы.

Княгиня Александрова, где бы ни пребывала – во Владимире ли, в Переславле ли, а то и в Новгороде – душой тянулась в святые храмы. Она грузно опускалась на колени и стояла так, мечта земные поклоны перед ликом Спасителя. По лицу её текли слезы, а в устремленных к Богу глазах читалась отчаянная надежда на вышнюю помощь.

Не желала она ни богатств, ни власти, ни почета, а только покоя и мира в своей семье. Всё чаще обращалась она мыслями к дням своей свадьбы с Александром. Слова старой чудинки про сыновей, что станут позором отца и матери, не выходили из головы...

26. «Замятня» в Сарае

После гибели Батые Золотая Орда не избежала «замятни». Брат Батые, хан Бергэ, по настоянию любимой жены, болгарской принцессы, принял ислам. А Багдадский халиф Мустасим Габбас изъявил желание стать духовным наставником для хана Бергэ.

Чингисхан наказывал быть терпимым ко всем верам на земле, но самим Борджигинам предписывал следовать религии Бон, и поклоняться богу солнца, Мизиру. Младший брат Батые, хан Бергэ, первым нарушил Ясу, приняв чужую веру. Под зеленое знамя ислама он собрал всех мусульман, пожелавших иметь ханом поборника «истинной веры». К Бергэ присоединился мурза Ногай, который не был религиозным фанатиком, но зато был хитер, коварен и жаждал власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.